

Гай Юлий Орловский

# Фич@рдз

Длинные Руки —  
фрейграф

Спаси  
Дракона,  
убить  
Принцессу!



**Гай Юлий Орловский**  
**Ричард Длинные**  
**Руки – фрейграф**  
Серия «Ричард Длинные  
Руки», книга 22

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»*  
*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=183388](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=183388)*  
*Ричард Длинные Руки – фрейграф: Эксмо; Москва; 2009*  
*ISBN 978-5-699-37147-1*

### **Аннотация**

Вот она, земля, захваченная высадившимися с моря варварами, что медленно и упорно расширяют территорию и теснят королевские войска!

Сэру Ричарду непросто лавировать между всемогущим императором и ненавидящим его королем в королевстве, где даже собственные вассалы все громче требуют соблюдения их прав, новых феодальных вольностей, а церковь недовольна защитой магов, колдунов и чернокнижников.

Но есть вариант...

# Содержание

Часть I	4
Глава 1	4
Глава 2	21
Глава 3	32
Глава 4	44
Глава 5	63
Глава 6	86
Глава 7	100
Глава 8	114
Глава 9	126
Глава 10	137
Глава 11	149
Конец ознакомительного фрагмента.	158

# Гай Юлий Орловский

## Ричард Длинные

### Руки – фрейграф

*Господь всегда в творении.*

## Часть I

### Глава 1

За окном шелестит дождь, небо в тучах, мир погружен в полумрак, будто наступает ночь. В большом зале тепло, сухо и шумно, а в той стороне, где камин, даже жарко. Рыцари пируют с заметно покрасневшими лицами, кафтаны растегнуты, пояса ослаблены.

Окна в оранжевых огнях от множества свечей и светильников, длинный стол сверкает золотом, серебром, драгоценными камнями на кубках и чашах, блестит жемчужинами влаги на жареных тушах кабанов, оленей и зайцев, их по традиции подают нерасчлененными, чтобы не лишать пирующих свирепой радости резать, кромсать и всячески расчленять.

Рыцари в доспехах, только прибывший от замка барона Волтона маркиз Ангелхейм ухитрился разодеться ярко и празднично, да еще сэр Колдуин, который в боях не участвовал, но выехал нам навстречу с большим отрядом, сейчас пирует в дорогом кафтане тонкой работы, красно-зеленых брюках и сапогах с задранными носками.

Герцог Готфрид, из-за которого рискнули на дерзкий рейд в королевство противника, тоже в доспехах, хотя у него с одеждой все в порядке, не захотел выделяться среди менее знатных рыцарей. Я то и дело ловил на себе его пытливый и слегка удивленный взгляд. Рыцари тянутся к нему с кубками и чашами, поздравляют с таким сыном, что оставил все дела и ринулся спасать родителя, такое достойно воспевают бардами.

Он принимает с улыбкой, похудевший, лицо словно высечено из камня, даже в разгар пира не забывает, что герцог, потомок легендарного рода, глава полусамостоятельного Брабанта с его отвоеванными правами и вольностями, постоянно подтянут, следит за каждым своим жестом и словом.

Я сам такой, сейчас-то я вообще не пьянею, а раньше, когда жил в моем срединном, чем больше пил – тем сильнее себя контролировал, а если вдруг перепивал, чего почти никогда не случалось, то сидел с приклеенной рассеянной улыбкой, не двигаясь, не вступая в беседы, даже не решаясь встать и пройти к туалету из боязни опрокинуть что-то, упасть, уронить достоинство и честь, попасть в смешное положение. Это

над другими пусть смеются, над другими и я с большим удовольствием...

Сэр Клавдий и за столом в своем уникальном панцире, оранжевом, как солнце, и постоянно меняющем оттенки. Густые черные с сильной проседью волосы блещут под светом люстры, как смазанные жиром, сам возвышается гордый и хвастливый. На груди блещет холодным льдом голубоватый камень. Для бриллианта великоват, хотя кто знает эти семейные ценности, сэр Клавдий как-то упомянул, что получил его из рук деда, а тот в свою очередь от своего отца. Красивая огранка, холодный блеск, в воде такой будет абсолютно незримым, потому их и называют бриллиантами чистой воды...

Я с трудом оторвал от него взгляд и посмотрел на вдохновенное лицо его обладателя, тот воздел себя во весь рост и заявил грохочущим голосом:

– Барон Доминик слишком уверовал, что нападать может только он, ха-ха!.. Мы потеряли одного раненым, когда погнался за служанкой и, поскользнувшись в крови, упал с лестницы. А замок хорош, в нем можно выдержать осаду королевских войск с год! А то и больше, мы такие, клянусь!

Сэр Герцель, отличившийся при захвате замка Стальной Клык, сказал со вздохом:

– Если бы еще и его отобрать для Армландии...

Рыцари шумели, орали, речи становятся все воинственнее, я выжидал момент, чтобы вмешаться и напомнить, этот

замок, в котором пируем и который отныне мой, к Армландии никаким боком. Здесь по-прежнему территория Турнедо, а верховный сюзерен – король Гиллеберд Фруассар.

– Жаль, – закончил сэр Клавдий с некоторой грустью, – что Стальной Клык оставили прежнему владельцу. Больно уж замок хорош и неприступен... Отдали без боя, вот что ранит рыцарское достоинство! Но что делать, если сэр Ричард и Его Величество король Гиллеберд договорились решать пограничные и прочие споры непонятными нам дипломатическими средствами.

– Хорошо, – проворчал сэр Ульрих, – хоть посуду побили. Я это люблю, когда бьют... Особенно, когда сам все разношу вдрызг!

– И мебель порубили, – добавил сэр Герцель со злобным удовлетворением в голосе. – Да и вообще, – уточнил сэр Герцель, – огонь рванулся до небес, будто его сто лет держали взаперти... Что так горело, не понимаю.

– Колдовские штуки, – буркнул сэр Ульрих зло. – Мы выжгли гнездо зла, порока и разврата.

– Не иначе, – согласился сэр Герцель. – Добрые христианские так не вспыхивают.

– Отстроят, – сказал Ульрих зло. – Хоть и не так уж сразу. Мы, молодцы, даже ворота сожгли.

Я прислушивался, нет ли недовольства той степени, что подходит к опасной грани. Сюзерена всегда критикуют, это понятно, важно только, как критикуют. Пока только ворча-

ние, мол, их вождь – орел, высоко летает, да только сесть не умеет.

Сэр Колдуин оставил свое кресло и, тяжело ступая, подошел ко мне.

– Мой лорд... – произнес он тихо, наклонившись к моему уху, – я с вашего позволения послал свой отряд осмотреть окрестные земли... ныне ваши земли. Так, на всякий случай.

Я сказал с горячей благодарностью:

– Граф, вы просто чудо. Я только что собирался просить вас о такой великой услуге.

– Что вы, – ответил он довольно, – такая мелочь... Это мой долг – служить вам, сэр.

– Такая мелочь может удержать чашу весов, – заметил я. – Король королем, но что стоит приграничным вассалам сделать вид, что не слышали? Или забыли, не так поняли? А мне бы не хотелось терять этот важный замок. Барон Руаяль...

Он уточнил со смешком:

– Покойный барон!

– Да, – согласился я, – мелочь, а приятно, верно?

Он засмеялся:

– Потому и уточняю! Да, он обустроил замок весьма и весьма...

– Надо еще, – сказал я озабоченно, – поставить заставы из своих людей на дорогах и переправах, что ведут в Турнедо. И придать по одному-два легких конника.

– Чтобы сразу за помощью?

– Или с сообщением о нападении.

– Я как раз это и велел сделать, – сказал он. – Лес на постройку сторожек возьмут из вашего леса, если вы не против.

Я поднялся и обнял его за широкие и такие надежные плечи.

– Еще как не против! Граф, я в отличие от этих горячих голов понимаю, что захватить замок – пустяк, хотя именно это все замечают и ценят. А вот удержать... скучно и неинтересно, хотя насколько же важнее!

Он улыбался, очень довольный и чуточку удивленный, я должен быть одним из тех молодых дураков, для которых главное – захватить, а потом хоть трава не расти.

– Спасибо за понимание, – поблагодарил он все так же негромко, – сэр Ричард... не хотите сказать соратникам, празднующим победу?

– Что?

– Ну, – напомнил он осторожно, – что-нибудь. Соответствующее.

– Не хочу, – ответил я сердито, – но надо.

Он понимающе кивнул, я медленно поднялся, окидывая взглядом зал. Сволочью был барон, но замок сделал прекрасный. Вернее, выстроили предки, однако это он, по словам слуг, убрал старинную мебель, велел облицевать стены красным деревом, повесил гобелены. Даже на полу, невиданное дело, огромный роскошный ковер от стены и до стены. Стол тоже сделан мастерами, а посуда не просто из серебра и зо-

лота, но изысканна, изящна, в огнях многочисленных свечей горит, словно под яркими солнечными лучами. Наверное, под настоящим солнцем смотрится еще праздничнее, торжественнее и царственнее.

Зал полон блестящими рыцарями, в полном смысле блестящими: все в доспехах, мы все еще в походе и на территории стратегического противника. Глаза сияют ликованием так, что не могут соперничать даже сверкающие золотом выпуклые бока кувшинов с вином и драгоценных кубков, обрамленных рубинами.

Больше всех ликует, пожалуй, сэр Ульрих – основная часть похода и захвата замка барона Руаяля прошла под его руководством. Нет, сияют все, хотя бурчат и морщатся, оскорбляясь за сюзерена, которому король Гиллеберд пожаловал всего лишь титул гауграфа. Одному мне без разницы: гауграф так гауграф, что в титуле тебе моем... Конечно, при моем положении быть гауграфом совсем не ого, однако мы сейчас в чужом и потенциально враждебном королевстве Турнедо! В логове стратегического противника, так сказать. Будем довольны и тем, что удалось урвать. Опасно пытаться схватить кус, которым можно подавиться.

Я вообще когда-то жил в королевстве, так здесь называю, где и слово «граф» было диковинкой, и тот, кто знал его значение, выглядел таким умным, таким умным!.. Потом как-то и где-то в забитую всякой ерундой голову попали еще всякие – графы: марк-, пфальц-, гросс – и прочие-прочие, но

все оставалось на периферии сознания, глубоко похороненное под пластами более востребованной информации.

А сейчас вот они, востребованные. Гаугграф – не умаление титула, полностью звучало бы примерно так: Ричард Длинные Руки, граф Валленштейн, гроссграф Армландии, пфальцграф королевства Фоссано, маркграф Гандерсгейма... может быть, что-то еще, я же и майордом, и барон, а в самом конце – гаугграф. Можно даже мелким шрифтом, хотя слово «шрифт» знает пока только отец Дитрих с его помощниками по типографии.

Я вскинул руку, призывая к вниманию. Гуляки начали благовоспитанно умолкать, а кто не заметил жеста сюзерена, того толкали и заставляли повернуться в мою сторону.

– Дорогие друзья, – сказал я проникновенно, – в данном случае не титул важен! Дело в этом участке земли! Просто уж сложилось, вы это знаете лучше меня, нельзя иметь под рукой такие земли... пусть не очень большие, согласен, не обладая титулом.

– Гаугграф, – сказал сэр Клавдий сварливо, – мало!

– В Фоссано, – напомнил я, – коннетабль, в Армландии – гроссграф, в Черро – маркиз, в Сворве – барон... Ну и что? Меня ну ничуть не задевает, что гаугграф – наименьшая, если не ошибаюсь, ступенька в иерархии графов.

Сэр Герцель прорычал злобно:

– А нас задевает! Гаугграф... Это не насмешка ли? А меньше Гиллеберд ничего не мог дать?

– Если по земле, – вступился за Гиллеберда сэр Ульрих неожиданно благоразумно, – то все строго по закону. В Турнедо законы чтят, потому королевство крепче... соседних. Если сложить земли барона Руаяля и треть земель Волтона, что ныне отошли к сэру Ричарду, получается по размерам больше баронства, но меньше полноценного графства.

Некоторые призадумались, старательно вспоминая сложную таблицу соотношения размеров земель, количества деревень и крестьян с причитающимися в таких случаях титулами, другие и не пытались одолеть такую задачу, это бы в начале пира, когда вино только разливают по кубкам...

Я отмахнулся.

– Да ладно вам. Гаугграфство позволяет нам контролировать эту пограничную землю. И даже соседние, но это между нами, вслух такое нелестное для противника не стоит... Хотя всем такое понятно, но мы же люди приличные? Прилюдно над поверженными и побежденными не улыбаемся, а все за спиной, за спиной... Это, так сказать, наш Кенигсберг, выдвинутый на территорию потенциального и весьма опасного противника. Наверное, надо будет переименовать замок покойного сэра Руаяля во что-то более нашенское.

– Ричардбург! – предложил сэр Ульрих.

Сэр Клавдий поморщился.

– Как вы можете, сэр Ульрих, – сказал он с упреком, – к славному имени сэра Ричарда прицеплять поганое плебейское слово «бург»! Это в Сен-Мари бургеры уже в почете, уж

и не знаю, за что, а у нас простонародье знают свое место.

– Ричардберг, – сказал сэр Паллант, – намного лучше!  
Ричард-скала, Ричард-гора!

– Ричард-берег, – подсказал сэр Клавдий.

– Да и похоже на «Кенисберг», – согласился я, – но, наверное, все-таки оставим это на потом. Сейчас не стоит дразнить без пользы для себя Гиллеберда и его уже и без того раздраженное и разочарованное окружение. Для них все со словом «Ричард» будет лишним уколом шила в задницу. Пусть пока, как и раньше, зовется... как он зовется, кто помнит? Главное, кто владелец.

По их лицам видел, что это для мужчин не главное, куда важнее прилюдно щелкнуть противника по носу и побахвалиться бицепсами, а я какой-то весь из себя бюргеристый. Всего-то ничего побыл в Сен-Мари и уже обюргерился, куда уж тамошним бюргерам прививать начатки благородного поведения, если сами теряем.

Я оглядел зал, все смотрят внимательно, хотя рожи красные, а глазки осоловели.

– Главное, – сказал я настойчиво, – прикроем сэра Тамплиера! И вообще угрожать будем шведу. Не одному же сэру Будакеру нести всю тяжесть обороны наших священных границ? Государство должно снять часть нагрузки с подданных и постараться переложить на противника или хотя бы на союзников.

Сэр Клавдий проворчал угрожающе:

– Да уж... Одно дело нападать на беззащитный замок Тамплиера, другое – на владение самого сэра Ричарда, коннетабля Фоссано, гроссграфа Армландии, майордома Сен-Мари и маркграфа...

Я страдальчески поморщился.

– Хоть про маркграфство помолчите, а то у меня сейчас сердце схватит... По сути, оно еще меньше, чем гаугграфство. Здесь хоть клочок земли! А там звук один. Пустой титул.

Сэр Клавдий покачал головой:

– Вы уж совсем, сэр Ричард...

– Что?

– Видите только черное впереди! Вполне может быть, под тем звуком немалые земли.

Я страдальчески скривился.

– Умеееете утешить, мой дорогой друг. Это еще хуже!

– Сэр Ричард! Почему?

– Тут и один клочок земли отвоевали больше хитростями да внезапным напором, а как с немалыми? Вообще увязнешь! А я увязать не хочу.

Он кивнул, бросил на меня внимательный взгляд.

– Знаю. Уже и другие знают. Постепенно среди рыцарства начинает с вашей легкой... или тяжелой руки распространяться жажда вторжения на Юг, дабы милостиво с огнем и мечом в руке принести туда слово Божье.

– А может быть, – возразил я, – те земли совсем не стоят того, чтобы отвоевывать. Во всяком случае, у меня были со-

всем другие планы!

– Какие? – осведомился он.

– Другие, – огрызнулся я. – Так вам все и скажи. А вдруг и вы на Гиллеберда работаете? А то и вовсе на императора?.. Слава великому императору!.. Слава мудрейшему и благороднейшему!.. Это я на случай, если вы доносите.

Сэр Клавдий надулся, но другие все же врубались, ржали и гоготали, похлопывали его по плечам и спине и настойчиво допытывались, сколько и чем император платит и не даст ли рекомендацию, чтобы их тоже приняли шпионить за сэром Ричардом и вообще за местными лордами.

Глядя на развеселившихся рыцарей, я понял, за сэром Клавдием укрепится репутация императорского шпиона, как за сэром Растером – гарпиеведство.

На пиру всеобщим любимцем стал сэр Ангелхейм: отличился и при захвате замка барона Доминика Волтона, и при разделе добычи, великодушно отказавшись от своей доли, сейчас за столом потешает веселыми историями, шутками, остротами и первый затягивает походные песни.

Всеобщее веселье постепенно раздробилось на группки, где вспоминают одни и те же эпизоды, пьют одно и то же вино и чувствуют друг к другу повышенную пьяную симпатию.

Я вышел на крыльцо под широким навесом, дождь уже прекратился, летом они короткие, и осматривался уже похозяйски. Челядь старается без нужды не показываться на

глаза, только кухня работает с полной нагрузкой да из подвала выкатывают с тяжелым хлопанием бочонки с вином.

Ветер разогнал тучи, открылась густеющая к вечеру синева неба. На западе медленно разрастаются пылающие бездны многоэтажных облаков. Закат обещает быть сказочным, солнце уже распухло просто неимоверно, превратившись в гигантский багровый шар, вдесятеро крупнее обычного.

За спиной хлопнула дверь, потом еще дважды. По шагам я узнал неторопливого сэра Клавдия, а также сэра Ульриха и сэра Герцеля, что отличился в странствиях под землей.

Сэр Клавдий подошел совсем тихо, опасаясь спугнуть государственные мысли. Эх, знал бы, о чем думаю, доблестный лорд сконфузился бы, а мне сторать со стыда, но, к счастью, никто не умеет читать мысли. А когда научатся, человечеству придет жуткий конец.

– Сэр Ричард, какие-нибудь указания?

Я кивнул, не оборачиваясь.

– Немного, но... серьезные.

Он сказал почтительно и твердо:

– Все выполним.

– Я еще не сказал что, – заметил я, – а вы уже готовы...

Вдруг я захочу невозможное?

Он сказал с еще большей твердостью:

– С вами нет невозможного, мой лорд!

Я проворчал:

– Вот так раздуете во мне манию величия, на ровном ме-

сте поскользнусь и сломаю шею. Добро бы вам, а то себе... Вы придерживайте особо горячих, придерживайте! Ишь, готовы затевать войну с Турнедо. Не понимают... Мы добились великой победы, теперь надо закрепиться на захваченном плацдарме. Граница – на замке. В отныне моем замке... как приятно сказать такое... останется крепкий гарнизон, который и замок не позволит захватить турнедским лордам, и нашим соседям придет на помощь. Но к вам, как соседям, хоть и на той стороне... ха-ха... просьба содержать остающийся здесь отряд и поддерживать его численность. Ротация кадров, своевременное снабжение провизией и все такое.

Сэр Клавдий сказал обеспокоенно:

– Дорогой сюзерен, у вас такой вид, словно собираетесь покинуть нас прямо сейчас!

Я виновато развел руками:

– Дорогой сэр Клавдий, вы все замечаете со свойственной вам прозорливостью. У меня слишком много неотложных дел, чтобы потратить их на неспешное возвращение.

Сэр Герцель подошел ближе, лицо из радостного медленно стало встревоженным.

– Вы в самом деле покинете нас... так неожиданно?

Сэр Ульрих ответил вместо меня:

– Сэра Ричарда понять нетрудно. И всякий бы понимал, у кого под седлом такой конь, как у него... или у меня. Когда я могу через два часа домчаться до своих земель, а не тащиться двое суток... то знаете, что меня от этого удерживает?

Сэр Герцель сказал весело:

– Знаем!.. Мы!

Ульрих преувеличенно скорбно ответил:

– Увы, да. Сэра Ричарда тоже держим мы, но на нем, в отличие от нас, вся Армландия, а теперь еще и Сен-Мари. Для него тратить несколько суток на дорогу – роскошь просто непозволительная. Он все еще рыцарь, но уже и правитель.

Рыцари посматривали на меня с уважением и в то же время с сочувствием.

Я сказал со вздохом:

– Ага, понимаете... Вам хорошо.

Сэр Ульрих сказал неожиданно:

– Сэр Ричард, я разделался со всеми срочными делами в своих землях. Могу я предложить свои услуги... со своим отрядом?

Я подумал, сказал неуверенно:

– В самом Сен-Мари пока вроде бы тихо. Но лорд Рейнфельс увел немалую часть войск, что меня все еще тревожит... однако еще больше сил потребуется для другой операции. Впрочем, тоже в Сен-Мари.

– Война?

Я подумал, пожал плечами.

– Сперва блокада.

– А что это?

– Санитарный кордон, – объяснил я. – Всех, кто попытается пройти с той стороны, пропускать, а дальше брать под

стражу. В Гандерсгейм чтобы и муха не пролетела!.. Контроль над утерянными... гм... временно оккупированными территориями начнем возвращать медленно и упорно. Хотелось бы обойтись без масштабных боев. Я тоже люблю батальные сцены, но когда без них... мое сердце общечеловека ликует и даже радуется. Двигайтесь к Тоннелю, а когда пройдете, почти сразу справа от главной дороги увидите едва ли не самую грозную крепость в мире... Ну, из тех, что я видел. Брабант! Туда уже начинают стягиваться мои войска.

– Из Армландии?

– Больше из Сен-Мари, – ответил я дипломатично.

Он воскликнул с энтузиазмом:

– Прекрасно! Познакомлюсь с героями, завоевавшими такое огромное королевство!

– Только не очень на это напирайте, – предупредил я. – Не всем это понравится. Во-первых, брабантцы тоже часть Сен-Мари. Во-вторых, часть сен-марийской армии я включил в свое войско, с которым собираюсь вторгнуться в Гандерсгейм.

Он посерьезнел, тень пробежала по лицу.

– Спасибо, сэра Ричард, что предупредили. Я сгупил. Мог бы нечаянно обидеть доблестных рыцарей.

– И герцога Готфрида, – напомнил я. – Надеюсь, он достигнет Тоннеля раньше всех нас.

– Я выделил ему и его охране самых быстрых коней, – сообщил сэра Клавдий. – А двигаться будут напрямик, так что

опередят namного. Он собирается выехать на рассвете.

– Спасибо, – сказал я с неловкостью. – Честно говоря, прибыл, чтобы освободить герцога, но даже не пообщался с ним как следует.

– Суровая жизнь, – с сочувствием сказал сэр Ульрих, – суровые нравы. Путь мужчин!

– Да, – согласился я, – путь мужчин.

## Глава 2

Они ушли, я поглядывал на небо, прикидывая, успеют ли за ночь дороги подсохнуть. Не люблю, когда копыта скользят в грязи и разбрызгивают жижу, отвык в сухом и солнечном Сен-Мари. Вечерний воздух застыл, как темная вода в лесном озере, туча темнеет уже далеко на востоке, там тускло и зловеще вспыхивает призрачно-красный свет.

За спиной скрипнула дверь, я не обернулся, здесь все свои, к тому же сразу ощутил по каким-то признакам появление герцога Готфрида Валленштейна Брабантского. Он встал рядом, статный и строгий, с запавшими глазами воина, суровое мужественное лицо с тяжелой нижней челюстью, глубокие складки у рта и на обеих щеках, седеющие волосы. Но если при первой встрече показался сорокалетним матерым волком, то сейчас уже знаю, сорок лет – не старость...

– Ричард, – произнес он, глядя, как и я, вдаль, – я так и не поблагодарил вас за все, что вы сделали.

– Разве я мог иначе? – ответил я. – Других дорог просто нет.

– Для рыцаря, – уточнил он, глаза его странно мерцали. – Но вы сейчас уже правитель, дорогой сын, а для них законы другие. Заботы о своих подданных приоритетнее, чем личные... если правитель хорош.

Я ощутил неловкость, развел руками.

– А еще лучше тот, который не затыкает собой все дырки.

– Вы это делаете?

– Постоянно, – признался я. – Мечусь по стране, пытаюсь решить все вопросы лично. Я все еще не умею руководить, хотя у меня прекрасная команда!

– Команда, – повторил он знакомое слово в незнакомом контексте. – И все знают, что делать?

– Все не знаю даже я сам, – сказал я невесело. – Однако как-то тянем этот воз. Сообща. И если один на время отпускает оглобли, чтобы перевести дух и поплевать на ладони, остальные не винят, что отлынивает.

Он внимательно всматривался в меня, взгляд из теплого стал настолько растроганным, что мне стало неловко.

– Вы возмужали, Ричард, – произнес он строго и одновременно тепло, я бы так не смог, не умею. – Вы очень быстро мужаете.

– Я бы и рад походить в коротких штанишках, – сказал я, – да не дают, сволочи!

– Кто не дает?

– Все, – ответил я. – Жизнь не дает... Я вот все хочу сказать, но никак не решаюсь... Словом, прошу вашего разрешения забрать Дженнифер в столицу. Там во дворце самые знатные и лучшие рыцари, там владетельные лорды, там самые благородные леди...

Он смотрел испытующе, я сбился под его взглядом и умолк. Он рассеянно погладил выбежавшего из здания Бо-

бика, лицо помрачнело, а глаза медленно погасли.

– Там слишком вольные нравы, – обронил он.

– Она будет под моим присмотром, – заверил я.

– Дело не в Геннегау? – спросил он. – Дело в... Брабанте?

Повисла неловкая пауза, мы оба отводили взгляды, мне очень не по себе, что сразу все понял, а ему неловко, что не смог оградить дочь от любимой жены, что наверстывает упущенные годы.

– Да, – ответил я, все еще глядя в сторону, – да. Но в любом случае, юной и такой красивой леди нужно возвращаться в высшем свете, чтобы... словом, там можно присмотреть себе как друзей, так и будущего мужа... И вообще, столица – это столица.

Он кивнул:

– Да, конечно. Заберете ее сразу же?

Я огляделся по сторонам, понизил голос:

– Хотел бы, но...

Он посерьезнел:

– Что-то еще?

Я сказал тихо:

– Марка Гандерсгейм, пожалованная мне императором Германом Третьим, целиком и полностью под властью захвативших ее варваров. Как отвоевывать, еще не знаю. Потому сперва посмотрю, как там насчет дорог, водоемов, переправ... Не хочу, чтобы войско застряло, как стадо баранов, перед первым же серьезным препятствием.

Он отшатнулся, лицо окаменело.

– Это безумие! Если нужно узнать про земли вторжения, следует заслать несколько десятков лазутчиков. Задолго до начала операции. Благородные люди никогда не опускаются до того, чтобы лично...

Я сказал торопливо:

– Да-да, это я как раз имел в виду. Я пошлю людей, чтобы разузнали и сообщили. А я составлю карту.

– Такие люди есть?

– Есть-есть!

– Если надо, – сказал он, – могу предложить своих. Мы все-таки на границе с Гандерсгеймом. Что-то даже знаем, хоть и с самого краю.

– У меня есть такие люди, – повторил я как можно увереннее. – Они там... уже на границе с Гандерсгеймом.

Я беззастенчиво врал и при этом смотрел ему в лицо честными глазами благородного человека. Умение, которым в этом мире мало кто обладает, но в моем прошлом это норма, это именуется искусством добрососедского общения.

Он вздохнул и положил ладонь мне на плечо.

– Тяжкую ношу вы избрали, Ричард. Но... это дорога настоящего мужчины.

– Спасибо, – ответил я. – Постараюсь не уронить честь рода Валленштейнов!

Ночью снова обрушился короткий ливень с громом и мол-

нией, кричали испуганные птицы, грозно склонялись и трещали ветки деревьев, но утром ласковое умытое солнышко заглянуло в покои и напомнило, что валяться подолгу в постели имеют право только женщины и дети.

Облака медленно уходят к горизонту, со двора донесся говор. Все еще сонный, я подошел к окну. Внизу во дворе слуги и конюхи седлают коней, те фыркают и потряхивают гривами, звенят удилами. Рыцари переговариваются друг с другом, оруженосцы затягивают на них последние ремни.

Герцог подошел к уже оседланному коню, прямой, словно статуя из блестящего металла, с нетерпением оглянулся.

– Все готовы?.. Сэр Ричард, при замке я обнаружил церковь. Там, в конце заднего двора. Может быть, нам стоит помолиться перед дорогой?

– Да, конечно, – ответил я. – А как же! Несомненно. Еще бы!.. Ну да, сразу же, я так почти и планировал, хоть и подзабыл малость. Пусть Господь будет нашим заступником в пути обратно, как был во всех наших делах.

Сэр Клавдий сказал в недоумении:

– Я видел ту церковь. Она заброшена! И почти разорена. Где возьмем священника?

– Священник необходим в цивилизованных местах, – ответил герцог строго. – А в диких краях Господь услышит наши молитвы и без посредников.

Сэр Клавдий вздохнул и убрал ладони с седла своего укрытого попоной коня.

Рыцари, оставив животных на попечение слуг, обошли замок, в заброшенной части двора сиротливо смотрит цветными витражными окнами скромная церковь из серого камня, уже изгрызенного временем.

Двери нет, в проеме ядовито-желтые потеки от поржавевших петель, под ногами хрустят мелкие веточки и листья, которые ветер занес в заброшенное здание.

Сэр Клавдий проворчал:

– Мне кажется, там дальше даже нагажено... Можно ли молиться в такой церкви?

Я бросил короткий взгляд на герцога, он вошел первым, перекрестился и отвесил поклон стене, где тускло блестят гвозди от украденного большого распятия.

– Разве Церковь в стенах? – ответил я. – Церковь – во множестве верующих.

Сэр Ульрих спросил за моей спиной озабоченно:

– Но услышит ли здесь нас Господь?

Сэр Герцель посоветовал:

– Молись громче.

Я сказал с мягким укором:

– Тот, кто громко читает молитву в надежде, что она будет услышана лучше, принадлежит к маловерам. Господь совсем не тугоухий.

– Я имел в виду, – сказал сэр Ульрих тихонько, – из такого места Господь и слушать не захочет!

– Он не войдет в нас, – сказал я, – пока мы пусты. Думай

о нем, и он услышит нас всюду...

Раздался треск, окно из цветного стекла разлетелось яркими осколками. Я инстинктивно ожидал, что влетит огромный булыжник, однако в помещение ворвался лишь холодный злой ветер.

Рыцари оторопело оглядывались по сторонам, закрывали головы кто руками, кто краем плаща. Герцог опустил ладонь на рукоять меча, хотя вообще-то в цивилизованных землях в церковь с оружием не входят.

Герцель прокричал звонким и чистым, как у подростка, голосом:

– Что это? Господь нас испытывает?

– Вряд ли это Господь, – ответил сэр Ульрих. – Господь избегает шумных эффектов.

– Господь скромнее, – подтвердил сэр Клавдий. – Он даже молчит, что создал этот мир.

Герцель сложил руки на груди и начал громко молиться. Под сводами грохнуло громче, затрещала и выгнулась снаружи оконная рама. Стекла выпадали из деревянных желобков, рушились огромными цветными пятнами, бросая по сторонам цветные зайчики.

Люди в испуге приседали, кто-то споткнулся и рухнул на пол, где тут же укрылся плащом. Второе окно, третье вылетели с треском и грохотом, и всякий раз врывался все более холодный ветер. Герцель уже стучит зубами, глаза как блюдца, оглядывается по сторонам в ужасе.

С треском вылетели стекла и с другой стороны, словно ураган сменил направление. Сменил и усилился: стекла вылетали вместе с оконными рамами, а в самой церкви выл и завывал дикий ветер, бросался на стены и вырывал оттуда куски мозаики, изразцовую плитку.

Я отчетливо видел тугие струи воздуха, слишком упорядоченные, чтобы оставаться просто ветром.

Сэр Ульрих прокричал:

– Надо остановить... Кто остановит?

Ветер начал метаться по кругу, быстро превращается в смерч, набирая свирепую мощь. Рыцари, обнажив мечи, отступали. Я подумал запоздало, что зря не взял в рейд священника, они обычно идут с любым отрядом, в любом войске, а я, дурак, сплеховал...

Сэр Клавдий вскрикнул горестно, рука его метнулась к груди. Я не успел понять, что задумал рыцарь, как его пальцы сжались на сверкающем драгоценном камне на золотой цепочке. Тот вспыхнул неожиданно красным огнем, пальцы засветились, я увидел сквозь розовую плоть темные костяшки.

– Да пришел час! – сказал сэр Клавдий громко. – Убей это!

Я уловил в его мужественном голосе не столько страх, как печаль. Он с силой бросил амулет на каменный пол, тот ударился, рассыпая сноп багровых искр, подпрыгнул и покатился по вытертому ногами полу. Повалил красный туман, неспешно принял облик почти прозрачного демона с едва

заметными трепещущими крыльями. Взлетел он медленно, словно преодолевал сопротивление воды, но движения его ускорялись и ускорялись, а прозрачность на глазах наливалась коричневой плотью.

Смерч ввинтился острым концом в каменные плиты пола. Затрещало, возникло и начало расширяться багровое пятно, донесся запах горящего камня. Рыцари крестились, пятлись, закрывались плащами.

Герцог оставался недвижим, меч выдвинул до половины из ножен, но обнажить в церкви не решился. Клавдий повел рукой, полупрозрачный демон по его знаку метнулся в самую середину смерча. Затрещали и взметнулись полуоторванные крылья, смерч заколыхался из стороны в сторону, расширился, пытаясь удержаться на месте.

Демон скрипел, как несмазанное колесо, бил всеми четырьмя лапами, от него сыпались короткие молнии. Смерч пытался хотя бы повернуть, но демон удерживался на месте, а лапами, оскаленной пастью и даже крыльями с когтями на краях рвал и нарушал упорядоченную структуру смерча.

– Спасибо! – крикнул я. – Не знал, что у вас отыщется такое чудо!

– Увы, – ответил сэръ Клавдий горько, – его уже нет... А это было фамильное.

– От деда?

– Дальше, намного дальше...

– Одноразовое?

– Да... Дед завещал, чтобы только в самом крайнем случае...

Вихрь пытался раскрутиться, набирая мощь, приседал к полу, отшатывался, мы с надеждой видели, что ужасающая мощь слабеет, рев становится тише, а струи воздуха уже не тянут нас с прежней силой в центр урагана.

Демон из багрового стал оранжевым, как раскаленный слиток металла, пахнуло сухим жаром.

– Победит? – крикнул я.

– Должен, – ответил Клавдий с надеждой.

– У вас хороший воин!

– Был, – ответил Клавдий. – Дерется хорошо, но через полчаса исчезнет...

– Полчаса, – сказал я уже без крика, рев урагана слабеет, – это вечность! И от минуты зависит жизнь! Даже от секунды...

– Да, – согласился Клавдий, – однако зря он это сделал.

– Кто?

– Тот, кто послал смерч, – объяснил он. – Признался тем самым, что больше ничего у него нет.

Он говорил так, словно я сразу должен понимающе сказать «ага» и даже кивнуть. Я уловил недосказанное и спросил:

– Этот вихрь еще дороже вашего защитника?

– Намного. А защититься от него, как видите, можно.

Я постарался не передергивать плечами, а голос держать

твердым:

– Ну да, конечно. Ваш страж хорош.

Смерч рассеивался, демон превратился в пылающий белым огнем сгусток, последние струи пронесли по кругу мелкий мусор и прижались, замерев, к полу. Демон медленно поднялся к своду и остался там светящимся комком, не крупнее лесного ореха.

Клавдий вздохнул, поднял и осмотрел амулет, сейчас превратившийся в серый невзрачный камешек. Я видел, как он еще раз опечаленно вздохнул и отбросил его в сторону. Амулет простучал по каменным плитам и затих под стеной, но никто из рыцарей даже не повел в его сторону глазом. Подзарядке не подлежит, мелькнуло у меня. Одноразовый, как уже сказано...

Все задрали головы и рассматривали демона, тем самым доказывая, что либо для всех очень редкий, либо вообще видят впервые. Я незаметно подобрал мертвый камешек и спрятал в карман.

## Глава 3

Бараны сбиваются в стадо, львы держатся порознь, но даже самые отважные из людей чувствуют острую необходимость в чувстве локтя, когда ощущаешь себя частицей могучего и слаженного отряда, когда стремяна задевают ноги всадников справа и слева, когда слышишь запах пота со всех сторон, конского и человеческого.

Тараканы чувствуют себя намного увереннее и защищеннее, когда прижимаются один к другому так плотно, что сверху видишь только сплошную копошащуюся массу, но благодаря этому «чувству локтя» даже тараканы, не говоря уже о баранах, ощущают себя счастливее, чем одинокие и вообще-то глупые львы.

Мы выехали из замка тесным отрядом, с большой высоты точно выгядим, как сбившиеся в кучу тараканы. Ладно, пусть, зато нам хорошо и надежно, и когда сэр Ульрих загорланил веселую песню, множество голосов подхватили с готовностью и охотой.

Вперед выехали и помчались легкие всадники сэра Герцеля, все-таки эта земля только-только стала моей, может быть всякое. Нас с сэром Ульрихом догнал уже веселый с утра Ангелхейм, раскрасневшийся, вином пахнет даже от одежды и, как мне показалось, и от его коня с веселыми блудливыми глазами.

– Вот вы и стали гражданином королевства Турнедо, – сказал он с двусмысленной усмешкой.

Выражение его лица очень не понравилось, хмельной или не хмельной, но о некоторых вещах надо говорить очень осторожно или вовсе не говорить.

Я перекрестился и ответил благочестиво:

– Наше гражданство на небе, а не земле, дорогой друг.

Он хмыкнул, посмотрел с интересом.

– Простите, сэръ Ричард! Не думал, что наступлю на большой мозоль.

Я проронил:

– Надменное извинение – еще одно оскорбление. Что с вами, мой старый друг? Вино прокисло? Вы пили, а конь побрезговал?

Он мотнул головой:

– Нет, эта скотина тоже пьет, что удивительно. Как мы умеем портить всех вокруг себя! Мне тоскливо, что едете навстречу великим делам... я же вижу!.. а мне возвращаться. Может быть, бросить все, у меня хватает родни, управятся? А я вольной птицей с вами...

Я удивился:

– Это я вольная птица? Маркиз, вы не представляете, какая это рутина... и как много тяжелой работы! Хорошо, хорошо, я не отговариваю! Напротив, я рад вам. Только не говорите, что не предупредил.

Он переспросил в недоумении:

– Работы? Вы сказали, работы?

Я вздохнул, развел руками.

– Человек был создан для беспечной жизни в раю. В этом мире он беженец. Что из этого следует?

Он поморщился.

– Могу многое предположить, но, зная вас, не ошибусь, если скажу с надлежащим пафосом, что этот дикий мир, куда мы попали по вине нашего праотца Адама, надо облагораживать. Угадал? А это значит, выкорчевывать сорняки и насаждать христианские цветы, чтобы тоже стал райским садом. Ну как, в яблочко?

– Маркиз, – сказал я искренне. – Я рад, что вы едете с нами.

Он фыркнул.

– Ежели людей по работе ценить, тогда лошадь лучше всякого человека. Думаю, скорее люди выйдут из моды, чем войны! Уж в них-то человек преуспел больше, чем в работе. И еще много раз уничтожит ваш райский сад. Я, честно говоря, не уверен, что Господь изгнал за какое-то яблоко... Это так Адам и Ева рассказали детям, чтобы оправдаться за свое неизвестно какое поведение! Перед детьми, повзрослев и одумавшись, надо выглядеть достойно и не все рассказывать из своей бурной молодости. На самом деле, думаю, они весь сад спалили. Или как-то иначе испоганили, уничтожили, испохабили настолько, что даже всемилостивейший и всепрощающий Господь разгневался и затопал ногами.

Я задумался, переваривая интересную идею. В самом деле, про изгнание знаем только со слов Адама, а ему наверняка стыдно было признаться детям, что и как по молодости творил в саду, как поступал с населяющими его животными и что с ними делал от избытка фантазии и будучи не стесненным никакими запретами. Вот и придумал насчет не вовремя сорванного яблока и чересчур строгого родителя... Детям нужны простые объяснения, преждевременная правда всех шокирует.

Ангелхейм расхохотался.

– Что вы так задумались?

– Заметно?

– Еще бы! Сейчас у вас даже самые светлые мысли отбрасывают тень!

– Мой меч может сломаться, – сказал я, – как и доспехи... Но моя вера никогда не сломится, никогда не иссякнет. Господь прав, хотя мне пока и непонятны его замыслы...

Тоскливый вой прервал мои слова. Я повернул голову, стараясь определить направление и расстояние. По спине пошел мороз, когда сообразил, что вой идет с расстояния в несколько миль. Зверь должен быть такого размера, что стадо быков употребит только на закуску перед обедом, однако же никто не всполошился, не хватается за оружие, не созывает народ, чтобы дать отпор.

Такое ощущение, что слышу только я. Нет, вот еще двое переглянулись, один сказал что-то бодрое, другой захохотал,

и оба затянули бодрую походную песню про прекрасную леди, что ждет благородного рыцаря из похода.

Ангелхейм заметил мое напряжение, проговорил участливо:

– Вы не бывали в этих краях... Это всего лишь террованг.

– А он что, безопасен?

– Очень опасен, – сказал Ангелхейм.

– А почему поют?

– Террованги никогда не покидают свою пещеру, – ответил он. – Даже непонятно, камни жрут, что ли. Иногда находят храбрецы, что спяну обещают вернуться с головой зверя на пике... Знаете ли, это очень удобно! Он сам по себе ни на кого не нападает, так что гибнут только добровольцы.

– Удобно, – согласился я с облегчением. – Можно не спешить с очищением земель. А этого террованга оставить для тренировки, а также для испытания на нем новых видов оружия.

– Катапульта?

– Да, – согласился я. – И арбалетов повышенной мощности.

– Он это не любит, – предупредил Ангелхейм. – Однажды выскочил и гнал за такими с полмили, пока не растерзал всех. Только тогда решил, что вполне удовлетворен, и вернулся.

– Гм, – сказал я. – Этого я не учел. Это потому, что я шибко умный. Умные мелочи не замечают. А шибко умные

не обращают внимание и на крупное...

– Вы очень шибко умный, – согласился Ангелхейм.

За кустами впереди порхает пташка, кричит взволнованно и сердито, но сесть не решается. Ангелхейм тоже заметил, опустил забрало и потянул руку к мечу.

– Может быть, – проговорил он, – просто лиса добралась до гнезда в кустах... Но, может быть, и не совсем лиса.

– А то и совсем не лиса, – согласился я.

Ангелхейм поднял щит как раз в момент, когда из-за веток вжикнула стрела, а за ней сразу еще три. Я послал коня вперед, кустарник распахнулся, как зеленые брызги. Под копытами вскрикнуло и затрещало, второго я зарубил, Ангелхейм прыгнул с коня и повалил третьего с кинжалом в руках.

Четвертый метнулся в заросли и пропал. Я метнул меч в кусты, ориентируясь на шелест. Там затрещало, ветви прогнулись, затрепетали, на землю грохнулось нечто тяжелое.

Ангелхейм поднялся, тяжело дыша, вломился в кусты, как носорог, у которого со зрением проблемы. Некоторое время там шумело, пыхтело, постанывало, наконец маркиз выбрался обратно, в руке мой меч, стальное лезвие в крови по самую рукоять.

Подскакал на горячем коне Ульрих, огляделся, остро сожалея, что все закончилось без него.

– Здорово вы его, маркиз!

Ангелхейм поморщился.

– Я только меч выдернул... кое-как. Наш сюзерен засадил

ему в бок по самую рукоять. Насквозь, как жука.

Ульрих повернулся ко мне:

– Как вы это сделали?

– По звуку, – ответил я. – Он же топал, пыхтел, и кусты шевелились.

Ульрих с сомнением покачал головой, но промолчал, Ангелхейм спросил жадно:

– Научите?

– Есть и получше вещи, – сказал я нравоучительно, – чему стоит учиться. Вы читать-писать пробовали?

Дорога сделала поворот, в узком месте между двумя скалами пятеро неизвестных ждут нас на коленях. Легкие всадники Герцеля с ним во главе окружили их и с ожиданием смотрят на меня.

– Наши раненые есть? – спросил я.

– Да, – ответил сэръ Герцель нехотя. – Если вашей светлости будет угодно...

Раненых уложили под скалой в тени, я так и понял, что рассчитывают на мое умение заживлять раны, хотя сказать такое вслух не решаются: не дело гротсграфа заниматься врачеванием, как простому лекарю.

Я быстро прошелся вдоль ряда, касаясь то лба, то обнаженной груди, это надо в первую очередь, есть такие, что не проживут лишнюю минуту, вернулся, поеживаясь от холода, к пленным.

– Кто такие?

– Люди барона Руаяля, – объяснил сэр Герцель. – Верны своему господину, хоть и знают, что тот убит.

– Даже у такой сволочи, как Руаяль, – сказал я, – в этом мире есть верные люди. Хотя вообще-то не должны. Это собака верна своему хозяину в любом случае, каким бы тот мерзавцем ни был! И она не виновата. Но человек не должен уподобляться...

Один из стоявших на коленях вскричал:

– Погодите! Что вы хотите? Я – рыцарь! Я благородный человек! Я верен своему сюзерену!

– С благородных спрашиваем вдвое, – отрезал я. – Сэр Ульрих, распорядитесь... Это теперь моя земля, а эти люди – преступники. Поступайте с ними, как положено.

Пленный рыцарь понял, что верность осталась не оцененной, прокричал, безуспешно вырываясь из рук стражников:

– Но как же милосердие? Вы же говорили о милосердии!

Ульрих и Ангелхейм посмотрели на меня в изумлении. Я переспросил заинтересованно:

– Я говорил?

Пленник помотал головой.

– Церковь говорит! – выкрикнул он торопливо. – Церковь глаголет о милосердии! А вы же церковник!

– Эра милосердия придет, – пообещал я со вздохом, – когда постареют люди и опекающая их церковь. Но я молод, а молодость живет справедливостью. Церковь тоже, слава Богу, еще молодая, злая и малость безрассудная... Эй, этого

повесить, остальных зарубить на месте. И... поехали, поехали дальше.

Над пленными засверкали мечи, сэр Ульрих проворчал с удовлетворением:

– Это по справедливости.

– И никакого милосердия к преступникам! – добавил Ангелхейм.

Я покосился на его чистое улыбающееся лицо.

– Да, вы правы, дорогой друг. Пока никакого.

Мы оставили разведчиков завершать расправу, Ангелхейм пару раз заинтересованно оглянулся, а Ульрих проворчал:

– Как мало народу надо... Того и гляди, назовут вас Милосердным. Ричардом Милосердным!.. Тьфу, стыд какой. Видите, сэр Ричард, как превратно иные понимают такое незнакомое слово, как милосердие. Надо осторожнее с высокими понятиями.

Ангелхейм заметил рассудительно:

– Но сэр Ричард и так неосмотрительно милосерден. Когда другие вешают по двадцать человек, он только по пятнадцать. А то и, стыд какой, вообще не больше десятка!

– Да, – сказал сэр Ульрих, – это сразу заметно.

Я привстал в стременах, навстречу гигантскими прыжками несется Бобик с задавленным оленем в зубах и недоумением в глазах: почему так медленно?

– Прости, – сказал я ему, – все никак не расстанусь с дру-

зьями. Но вообще-то пора. Сэр Ульрих, сэр Ангелхейм! Передайте мои извинения остальным рыцарям, но я изнемогаю от нетерпения. Мой конь уже нехорошо ругается, что тащится так медленно. Он молчит, но я все слышу. А Бобик? Посмотрите на Бобика! Он кричит, что я должен поспешить в Брабант, чтобы вам подготовить достойную встречу! Да-да, для вас старается, негодяй.

Они помрачнели, а Ульрих сказал со вздохом:

– Спасибо, сэр Ричард, что проехали с нами почти полдня! Я, честно говоря, ожидал, что умчетесь сразу, как захватим замок и освободим благородного герцога.

– Я тоже, – сказал Ангелхейм серьезно. – Либо сэр Ричард устал трудиться, либо ему наше боевое братство с каждым днем все ближе.

Ветер свистел в ушах, я зарывался в гриву, чувствуя себя как будто накрыло плотным бронебойным куполом. Сверху только ревет и воеет, но уже не пытается подцепить меня и выбросить из седла. Бобик ухитряется мчаться впереди, черная шерсть медленно коричневеет, потом стала багровой, наконец засветилась тонкими рубиновыми нитями.

Я не успел заорать, что надо остановиться, а то загорится от трения, впереди начала быстро расти каменная стена Великого Хребта. Зайчик сам сбросил скорость, а когда показалась черная дыра Тоннеля, мы уже неслись к ней, почти неотличимые от всадника на очень быстром коне с очень

быстрой и очень крупной собакой.

Я недолго вроде бы пробыл на этой стороне, но за это время прибавилось охраны, появились еще две башенки, а между ними широкий навес из толстых досок прямо над входом в Тоннель. Не навес даже, а добротный мост, а уж что на нем за ящики, корзины и бочки – можно только догадываться, глядя на мрачных монахов с очень недоверчивыми лицами.

– Сэр Ричард, – сказал монах в первом ряду то ли оборон, то ли досмотра, – мы рады вашему возвращению... Взгляните вон в эту святую книгу... да-да... спасибо... Ничего не чувствуете? Хорошо... а теперь прочтите вот эти слова...

Я проделал все и поинтересовался:

– А с неграмотными как?

Он ухмыльнулся.

– Их проверяют более простыми методами. И вообще с ними проще...

– Не опасно снижать требования? – спросил я.

Он покачал головой.

– Нежить в личине простого крестьянина менее опасно, чем в облике лорда.

– Ну да, понятно... Много выявили?

Он нахмурился, кивнул.

– Первые дни и даже недели никого не было. А сейчас началось. Дня не проходит, чтобы одного-двух не поймали... И с каждым днем становится все больше.

– И все хитрее, – сказал я.

Жесткая улыбка раздвинула его бледные губы.

– Оружейник делает острее меч, бронник тут же укрепляет щит.

Второй ряд просканировал меня по другой методике, а третий – по третьей, еще более замысловатой. Зайчик и Бобик на этот раз отделались простым осмотром, на что я не преминул указать, их тоже можно незаметно подделать так, что я сам не замечу.

Монах посмотрел уважительно, что-то черкнул в толстой книге и кивнул стражам. Тяжелая баррикада легко сдвинулась в сторону, хотя я не заметил ни веревок, ни каких-либо хитрых штук. Зайчик ржанул и пошел в Тоннель, Бобик обогнал снова и пропал в темном зеве.

Я помахал рукой.

– Совершенствуйте щиты, святые отцы!.. Прогресс не стоит на месте!

– Благослови вас Господь, сэръ Ричард!

## Глава 4

Сверкающая точка превратилась в огненный шар, налетела, ударила, и мы выметнулись в яркий мир палящего света, горячих камней, ослепительного неба, почти белого, так мало в нем голубизны. Дорога не пошла навстречу, а понеслась вскачь между сдвинутых с пути глыб в сторону моря, как угадывается по чуть-чуть влажному воздуху с той стороны.

Бобик иногда останавливался и оглядывался, морда ликующая, снова обгонял. Зайчик делал вид, что вообще не замечает это нечто несолидно прыгающее, а когда Адский Пес понял, куда направляемся, ринулся с такой поспешностью, что из-под лап вылетели в нашу сторону крупные камни.

Показались знакомые стены гор, между ними просвет, как выглядит это издали, а когда все это приблизилось, стало видно, что проход надежно перекрыт небывало высокой стеной, по бокам высокие башни, краями вросшие в каменные стены, а в середине стены чудовищные ворота, что все равно кажутся мелкими в сравнении со всем этим великанством.

Зайчик все понимает, сбавил скорость, к воротам мы мчались красиво и бодро, тяжелым галопом, от которого дрожит земля. Бобик уже стоит, приподнявшись на всех четырех и требовательно гавкает так мощно, что вздрагивают ворота.

Со стены и ворот закричали, калитка отворилась, когда мы были еще за пару сот ярдов, так что отворили не нам,

а этому толстому гаду, что, конечно же, сразу помчится на кухню с инспекторской проверкой.

Бобик исчез, калитку открыли шире. Я зарылся лицом в конскую гриву, въезд сделан таким нарочито, чтобы всадник оставался абсолютно незащитным, но едва копыта Зайчика вступили на вымощенный булыжником двор, со всех сторон раздались радостные вопли, а некоторые даже преклонили колени.

Хоть и демократ, мелькнуло язвительное, а еще и интеллигент-передвижник, но как приятно, когда приветствуют как господина...

Мартин сбежал со стены обветреннолицый, суровый, пронзительно голубые глаза стали еще светлее, недоверчивее, но сейчас широкий твердый рот сразу же дрогнул и расплылся в ликующей улыбке.

– Сэр Ричард, – сказал он и ударил себя сжатым кулаком в левую сторону груди, – приветствую, мой лорд!

– Рад тебя видеть, Мартин, – сказал я.

Конюхи ухватили повод, я соскочил на землю, обнял его широкие плечи. Мартин смотрит снизу вверх, в светлых глазах вопрос, который не решается задать, губы медленно вернулись на свое место, лицо снова стало суровым и недоверчивым.

– Да все в порядке, – сказал я тепло. – Так и передай всем.

Он покосился на слушающих нас боязливо и почтительно стражников и набежавшую челядь.

– Но вы так быстро вернулись...

– Думаешь, с полдороги?

Он пробормотал:

– Ну, вообще-то многие так решат.

Я хлопнул его по плечу и сказал громко:

– Герцог свободен!.. С надежным отрядом возвращается в Брабант. Просто я немного опередил. Совсем немного!

Лицо Мартина вспыхнуло, словно осветилось изнутри, а глаза стали ярко-синими. Сейчас он был почти красивым, а не просто надежным, который слово держит, службу знает, в спину не ударит, а скорее закроет ее своей грудью от вражеской стрелы или копья.

– Совсем немного... – сказал он, слегка задохнувшись от волнения, – мы уже знаем это ваше совсем немного... На неделю? На месяц?

– Не знаю, – ответил я весело. – Смотря как и где будут напиваться по дороге. Я вот, к примеру, маковой росинки во рту не держал, пока не домчался сюда.

Он посмотрел несколько странно, я спохватился, это же путь не меньше, чем в пару недель, если на обычном коне, но Мартин ничего больше не спросил, повел руку в сторону донжона.

– Леди Дженнифер, как обычно, вне крепости...

– Не опасно?

– Нет, она не покидает земель Брабанта. А еще ее всегда сопровождает группа молодых рыцарей. В последнее время

пристрастилась смотреть на море с наших обрывов.

Я зябко передернул плечами.

– Не пускайте близко к краю. А леди Элинор?

Он нахмурился.

– Вся в своем нечестивом колдовстве. Зря вы ей разрешили! Половину вещей из подвала уже перетаскала в свои покои. И ночью с ними не растается.

– Энтузиастка, – обронил я. – Ладно, пойду потревожу.

– Обрадуйте, – сказал Мартин. – Не своим появлением, если честно, а новостями. Она так исхудала, что временами смотреть жалко.

Я взглянул с удивлением, Мартин никогда никого не жалел, а чтоб вот так о леди Элинор, что тиранит его, как может, то для этого в лесу должно издохнуть стадо тираннозавров. Большое.

Слуги почтительно кланялись, и, как мне кажется, или же это мое самомнение распускает хвост, кланяются охотнее, чем кому бы то ни было здесь. Как будто вот приду и разом пересажу всех в райские кущи. И ангелы запоют или даже воспоют. Или это от того, что ничего не делал здесь, и потому в таком лорде разочароваться еще не успели?

Просторный холл за время моего отсутствия посветлел еще больше, чувствуется женская рука леди Элинор, добавилось цветных полотнищ...

Я взбежал по лестнице, ступени покрыты пурпурной ковровой дорожкой, очень красиво и возвышенно, но подумать

о переменах не успел, дальше по коридору вспыхнуло оранжевое пламя: женщина с красными волосами и в пурпурном платье быстро идет в мою сторону. Мне даже показалось, что двигается слишком быстро, словно неслышно скользит над поверхностью пола.

Леди Элинор, исхудавшая настолько, что одни удивительно зеленые глаза на подурневшем кукольном личике, ускорила шаг, глядя на меня с отчаянной надеждой.

Я едва успел подхватить ее, когда споткнулась и рухнула в мои объятия. Пальцы наткнулись на выступающие, как лезвия топориков, острые лопатки, соскользнули на ребра, едва-едва прикрытые кожей. Весит не больше мелкого пуделя, в сердце мне кольнуло острой жалостью.

– Сэр Ричард!.. – прошептала она. – Мы ночами не спим.

– Комары? – пошутил я и ощутил, что сглупил.

Она вскинула на меня взгляд прекрасных глаз, веки покраснели, а белки пронизаны сетью полопавшихся сосудов.

– Какие вести?

Голос ее из прежнего музыкального стал хриловатым, как после долгого плача. Я всмотрелся в ее подурневшее лицо с воспаленными красными веками и вдруг увидел под этой маской, а все женщины их носят, прячутся страх и отчаяние женщины, что после стольких лет нашла счастье и может потерять.

– Все сделано, – сказал я поспешно. – Не волнуйтесь!

– Что... сделано?

– Герцог свободен, – пояснил я.

Она упала передо мной на колени, ухватила мою руку. Я не успел отдернуть, ее горячие губы обожгли мне кисть так, что дрожь пробежала до плеча и ушла в сердце.

– Леди Элинор! – воскликнул я негодуя.

Я стыдливо выдернул руку и отступил на шаг. Она, не поднимаясь с колен, заговорила страстно:

– Сэр Ричард, все, что угодно!.. Я отныне не враг и даже не противник. Клянусь!

– Встаньте, – сказал я нервно. – Поднимитесь, умоляю вас. А то я и сам встану, не могу же я так... Будем, как дураки!

Она поднялась, в красных, как у карася, глазах столько счастья и горячей благодарности, что я готов был провалиться сквозь землю, а признательность струится из нее, как тепло от камина или теплой постели.

– Я совсем недавно смогла отыскать его, – сказала она торопливо. – Он был в маленькой комнате на самом верху башни... И очень-очень далеко отсюда.

Я вздрогнул.

– Да, точно... Как вы сумели?

– Сперва подобрала и составила нужные заклинания, – объяснила она, – а потом, когда убедилась, что он жив, но в плену, начала смотреть через глаза птиц. Это очень утомительно... когда не знаешь, в какой стороне искать...

Я смотрел на нее во все глаза.

– Вы сделали удивительно много, леди Элинор! Честно го-

воря, я поражен...

– Там еще был странный такой камин, – сказала она с мукой в голосе, – с двумя скрещенными змеями из красной меди... Герцог сел возле, как вдруг насторожился, подбежал к двери и начал придвигать мебель... А потом все задрожало и рассеялось...

– Эх, – сказал я, – если бы сумели увидеть это раньше! Ладно, все сделано, хоть и с большей потерей времени. Герцог уже в пути к Брабанту.

– Он... доедет благополучно?

– С ним отряд воинов.

– Сэр Ричард, я теперь всего боюсь!

– Отряд большой, – сказал я. – Даже не ради охраны герцога. Они потом придут сюда и волеются в мое войско.

– Спасибо, сэр Ричард!

– Вы меня обижаете, леди Элинор, – сказал я. – Как будто мне самому герцог... чужой человек.

– Сэр Ричард, – произнесла она и прямо посмотрела мне в глаза, – располагайте мной. Я ваша вечная должница.

– Это хорошо, – проворчал я, затапывая в себе неловкость. – Я люблю должников. А вас я расположу, так расположу... будете моего Зайчика чистить, заплетать ему гриву или еще что похуже.

Она улыбнулась, глаза сияли.

– Чистить этого великолепного арбогастра? Да это счастье, а не принуждение. Даже не знаю, что может быть луч-

ше... разве что чесать за ушами и кормить Бобика.

Я пугливо оглянулся.

– Какой арбогастр? Это просто конь. Крупный, сильный, быстрый.

– Простите, – произнесла она с нарочитым смирением, – оговорилась. Конечно же, у вас замечательный конь. И собачка. И сам вы, сэр Ричард, просто чудо.

– Это вы чудо, – ответил я галантно. – Но ладно, наговорили комплименты друг друга, заодно и домашним животным, а теперь к делу.

Она оглянулась на застывших у дальней двери стражей.

– Может быть, в моих покоях?.. Нет-нет, я не тащу вас в постель. Этот опасный этап у нас благополучно пройден. Просто мы в коридоре...

– Да, – согласился я, – это я заметил. Леди Элинор, обед пусть подадут в малый зал. Я сегодня же отбуду.

Она охнула:

– Куда?

– Дальше, – ответил я сумрачно.

Она в обеспокоенности покачала головой.

– Что-то стряслось еще?

Я ответил с внезапной злостью:

– Постоянно стрясывается! У меня столько великих планов, просто разрывает на части нетерпением, как глубокоководную рыбу на берегу. Я должен быть уже на Юге... если верить моим же планам, не совсем же я дурак, но все топчусь

здесь, текучка заела.

– Вы только прибыли, – сказала она обескураженно.

– Здесь, – пояснил я зло, – на этом материке!

Она вздрогнула, глаза в испуге расширились.

– Сэр Ричард, вы такими масштабами мыслите! Мне страшно.

В малый зал слуги заносили еду быстро и бесшумно, но я заметил, что ее на столе все же больше, чем принесли. Усмехнувшись, я не стал показывать, что распознал чародейство, сам сотворил кофе, сыр, мед, а также бананы и прочие неизвестные здесь фрукты. Леди Элинор чуть напряглась, но на этот раз смолчала.

К еде она почти не прикасалась, смотрела, как ем я, а у меня хоть после полета, хоть после скачки всегда волчий аппетит, за ушами трещит так, что понимаю все поговорки типа: когда я жру, то ничего не чую.

– По непроверенным данным, – промычал я с туго набитым ртом, – из заслуживающих доверия источников, вы, леди Элинор, перетаскали из подвалов в свои покои колдовские штуки...

Она выпрямилась, лицо напряглось.

– Сэр Ричард... Но вы сами разрешили...

Я буркнул:

– И сейчас не запрещаю. Это я завидую так. Думаете, я не променял бы свое гроссграфство и маркграфство на мирное

копание с волшебными штуками? Эти приключения уже покруче!..

Ее красивые глаза стали размером с блюда.

– Вы... такой?

– Представьте себе.

– Но, сэр Ричард, все в вашей власти... Что вам мешает?

Я пробормотал, продолжая пожирать жареное мясо, как Локи на соревнованиях:

– Обязанности, черти бы их побрали! В этом мире вся тяжесть на мужских плечах. Мы обязаны бдить и защищать, а здесь это приходится делать постоянно. Потому и нет молодых и сильных чародеев. Либо увечные старики, либо... женщины.

Она пробормотала:

– Вообще-то верно... хотя я однажды знавала молодого колдуна...

– Трус, – сказал я безапелляционно. – Увиливает от обязанностей мужчины... Леди Элинор, я хотел попросить вас об одной услуге.

– Приказывайте, – сказала она. – Теперь вы можете приказывать.

Я покачал головой:

– Нет, это именно просьба. Постарайтесь подружиться с леди Дженнифер. Сделайте над собой усилие!.. Это ненадолго. Я заберу ее в столицу. Вам придется притворяться доброй совсем недолго.

Она, хоть и держится прямо, как картина на стене, сумела еще больше откинуться на спинку кресла с высокой спинкой. В глазах мелькнуло удивление, сменилось облегчением, затем, к моему изумлению, проступил стыд, а щеки заалели..

– Неужели, – проговорила она с усилием, – я так плоха?

Я проговорил, опустив взор в тарелку:

– Вы... понятны, леди Элиноор.

– Эгоистична?

– Это объяснимо, – ответил я дипломатично.

– Я стала такой, потому что жила полной хозяйкой в своем прежнем замке?

Я покачал головой:

– И это тоже. А еще... герцог. Вы ревнуете, леди Элиноор. Дженнифер ежедневно могла видеться с ним, разговаривать, общаться, целовать его и обнимать, а вы всего этого были лишены.

Она опустила голову.

– Вы правы, – произнесла она едва слышно. – Она могла... и не пользовалась. А я этого страстно жаждала и... не имела возможности. Но у меня нет вражды к леди Дженнифер.

– Я знаю, – ответил я. – Вы как двое щенков, что отпихивают друг друга от мамы. Или папы. Но вы сильнее, леди Элиноор! И не заметили, что не просто отпихнули его родную дочь, но и вообще загнали в угол и затоптали.

– Неужели так выглядит со стороны?

– Боюсь, – сказал я жестко, – так в действительности. Вы

привыкли бороться, леди Элинор. А Дженнифер жила за широкой спиной отца и под крылышком матери. У нее нет умения постоять за себя, как у вас! И когда соревнование за внимание герцога перешло в жесткое соперничество, вы ее с легкостью затюкали, затоптали, забили! Она боится уже из своей комнаты показаться. А когда выходит, старается поскорее выскользнуть за пределы крепости.

– Вы такие страшные вещи говорите...

Я сказал решительно:

– Прошу вас поприкидываться хорошей матерью... или просто доброй женщиной не для того, чтобы восстановить хорошие отношения, их не восстановить, а чтобы потом, когда случайно встретитесь через несколько лет, могли обняться... или хотя бы поздороваться, а не вцепляться друг другу в волосы.

Она несколько мгновений смотрела мне в глаза. Лицо ее неуловимо менялось. Я видел и стыд, и скорбь, и упрямство, и решимость, и гордость, наконец она глубоко вздохнула и проговорила упавшим голосом:

– Да... наверное, это единственное разумное, что я могу.

Низкое солнце нависает над зубчатой стеной и освещает под таким углом, что все камни стены и башни выглядят плотно подогнанными глыбами древнего металла, чужого и таинственного. Края вспыхнули напоследок, заискрились, от них даже брызнули искры, но тут же солнце ушло за стену,

двор погрузился в плотную тень.

В щели кузницы пробивается багровый огонь, из-за чего во дворе еще темнее. В небе затихло, купол выгнулся и стал глубже, выше, величественнее.

Из сторожки, завидев меня, выскочил Мартин. На лице преданность и готовность немедленно броситься выполнять все мои распоряжения, глаза следят за каждым движением сюзерена.

– Я отбуду на время, – сказал я негромко.

Он спросил тоже тихо:

– На сколько?

– Не поднимайте шума, – сказал я в ответ.

– Это значит... тайно?

– Иногда так удобнее, – объяснил я дипломатично.

Он молчал ошарашенно лишь долю секунды, а когда заговорил, голос был строгим и деловитым:

– Прикажете оседлать коня?

– Нет, – сказал я. – И собачке ничего не говори.

– Отбудете... пешком?

Я ответил, отводя взгляд:

– Главное, отбуду тайно. Уже знаешь, умею.

– Да, мой лорд.

– Еще раз, Мартин... Бобик будет проситься на охоту, он сразу понимает, когда вы только подумаете о ней, но ни в коем случае! Как бы он ни прыгал и ни ходил на задних лапах.

– Бедный...

Я развел руками:

– Увы, Мартин. Не знаю, что может встретиться в лесу. Не хочу, чтобы попробовал человеческой крови. Пусть остается невинным псом.

Он посмотрел на меня вопросительно.

– Взяли щенком?

– Нет, – ответил я с сомнением. – Вроде бы уже не был щенком, хотя, кто знает, сколько у его породы щенячьест... Другие его боялись, я как-то не сообразил по дурости вовремя испугаться, я вообще как-то мало пуганный, вот он ко мне и прилип. Отныне я его отец и вожак стаи. Кем был и что делал, молчит, не признается. А мы сами не будем на всякий случай допытываться... А то такое вдруг узнаем! Со мной он начал жизнь с чистого листа.

– С чистого листа? – перепросил он.

Я махнул рукой.

– Выражение такое. Имеется в виду не лист дерева, а пергамента.

Он внимательно посмотрел на меня.

– У вас много слов, сэръ Ричард, словно вы не просто грамотный, но и... долго были среди грамотных.

– Хуже, – ответил я.

– Что может быть хуже?

– Я и родился среди грамотных.

– Господи, спаси и сохрани!

Я улыбнулся загадочно и пошел в конюшню прощаться с

Зайчиком. Бобик, как чуял мой приход, уже напрыгивает на арбогастра, приглашая побегать или хотя бы подраться.

– Люблю вас, морды, – сказал я с чувством. – Но, увы, если не появлюсь пару деньков... или больше, займите себя чем-нибудь.

Бобик оставил друга и члена нашей стаи, торопливо принес в зубах дубовую колоду со двора, на которой рубят двора. Я отказался взять ее в руки и бросать подальше, чтобы он приносил, а я бросал снова и снова, пока руки не отвалятся. Обиженный Бобик понес обратно, но притащить что-то взамен не успел: вдали пропел охотничий рог, послышался дробный стук копыт.

Во двор влетели всадники на разгоряченных конях, морды в мыле, с удил срывается белоснежная пена. Двое молодых рыцарей торопливо соскочили на землю и бросились навстречу единственной женщине в седле.

Леди Дженнифер любезно приняла их помощь, лицо за это время стало еще более бледным, чем в прошлый мой визит, но и прекраснее, что раньше мне казалось невозможным.

Она увидела меня, выходящего из конюшни, счастливо ахнула и со всех ног бросилась навстречу. Я подхватил ее на руки, она прижалась ко мне, как воробышек, что ищет защиты от злого холодного ветра.

– Рич!

Прибывшие рыцари почтительно преклонили колени.

Дженнифер счастливо смеялась, целовала меня в щеки, в нос, в губы. Глаза наполнились чистой влагой, что быстро прорвала запруду, и сверкающие на солнце ручейки побежали по бледной коже.

– Рич, как я тебя ждала...

Я прижал ее крепче, нежную и трепещущую, рыцарям сделал знак подняться, а ей прошептал в ухо:

– Герцог свободен, уже возвращается. Я его просто обогнал.

– Ты правда хотел поскорее со мной повидаться?

– Ну да, конечно! Чего бы я так мчался впереди всех?

– Спасибо, Рич. Хоть и видно, что врешь, но все равно спасибо.

Я наконец бережно опустил ее на землю, рыцари уже поднялись и окружили нас. В глазах жадное нетерпение, на лицах страстное ожидание удивительных новостей.

– Правда ли... – начал было один.

Я прервал:

– Герцог свободен и скоро прибудет. Готовьтесь принять войска из Сен-Мари... Наши войска! Мои, если хотите. Кто все еще желает стяжать славу героя, еще может присоединиться к походу на варварские земли. Я не знаю, почему король Кейдан... да и предыдущие короли мирились с захватом исконных земель, но я намерен в свою очередь захватить королевство варваров и покончить с этой угрозой раз и навсегда!.. А сейчас прошу меня простить, мне надо пооб-

щаться с сестрой.

Дженнифер так вжималась в меня, будто старалась втиснуться вся, а там поджать лапки, свернуться в клубочек и спрятаться от всего мира, что я то и дело задевал плечом каменную кладку. Наконец я просто подхватил ее на руки и понес по ступенькам наверх на стену крепости.

Часовые почтительно отступили, я шел медленно, сам стараясь продлить очарование, когда всем телом прижимается молодая девушка и страшится мгновения, когда я опущу ее на землю.

В Брабанте, где море совсем близко, солнце особенно огромное, яркое, а громады облаков библейски величественные, несказанно пышные, уже не горы, а целые горные хребты, их подсвечивает снизу алым, пурпурным, а затем багровым. Само небо не голубое и даже не синее, из оранжевого стало пышно-лиловым, и громады облаков на нем выглядят странно и пугающе.

Со стены видно, как далеко-далеко опускается за темный край земли солнце, почему-то резко уменьшившись, мелкий багровый диск. Горизонт некоторое время искрил бенгальскими огнями, сумрак сгущается по земле медленно, торжественно, словно шествует с короной маркграфа в руках и готовится водрузить мне на голову. А то и вовсе на чело.

Дженнифер я так и не отпустил, она прижалась ко мне и зачарованно смотрит на закат, затем перевела взгляд на темную землю, простирающуюся далеко внизу от стен крепости

и уходящую в бесконечность.

– Ты в самом деле должен?..

– Увы, сестренка.

– Почему?

Я развел руками:

– Теперь я уже знаю, что время – это просто одна неприятность за другой. Вот и прыгаю... стараюсь все уладить.

– И никому поручить нельзя?

Я пошутил грустно:

– Каждый незаменим. А уж я... так и вовсе.

Она подняла лицо, ее полные созревшие губы оказались совсем близко от моих. Сердце мое отчаянно заныло, в мозгу стучит: да перестать сдерживать себя, подумаешь, паладин, честь, достоинство, а как же свобода чувств...

Есть несколько способов справиться с искушением, самый верный из них – трусость. Я поцеловал Дженнифер в лоб и с огромным сожалением, борясь с собой, опустил ногами на камень стены.

– Рич!

Она смотрела потерянно, как заблудившийся ребенок в лесу, где наступает ночь и уже воют волки.

– Я ненадолго, – пообещал я.

– Рич, что ты задумал на этот раз?

Я запнулся с ответом, переспросил:

– Сказать?

Она почти кивнула, но продолжала смотреть мне в глаза

и наконец проговорила умоляюще со слезами на глазах:

– Не надо... Я боюсь заглядывать в твои бездны. Но ты – Рич, ты мой брат, я тебя люблю, и ты меня никому не дашь обидеть.

– Не дам, – подтвердил я. – Уже сказал, что сам буду обижать. Дженни, я просто должен... Слово-то какое... всю жизнь избегал, не было случая, чтобы сказал такое, а теперь чуть ли не каждый день вспоминаю, что должен это, должен то... Дженни, жди! Я очень быстро.

Она вздрогнула, когда я еще раз крепко поцеловал ее, отстранил и быстро вбежал в башню. Когда я с самого верха взглянул через парапет, она стояла на том же месте, прижав кулачки к груди, маленькая и беззащитная, и с мольбой смотрела вверх.

## Глава 5

Я сбросил личину исчезника, как только громада крепости Брабант уплыла далеко за спину. Крупная летучая тварь, одиноко парящая в небе, хоть и редкость, но все же не диковинка, время от времени кто-то да видит этих разных крылатых зверей, но если она в личине исчезника, обязательно привлечет внимание того, кто его заметит...

Правда, народ как раз не увидит, зато обязательно обратит внимание маг, а мне безопаснее толпы народа, чем один маг, от которого неизвестно чего ожидать.

Далеко внизу плывет темная земля, горизонт безумно расширился, а самого меня несет под высоким лиловым куполом, что уже перетек в черный и движется вместе со мною, в какую бы сторону я ни направил полет.

Мир замер, все тихо, вокруг пусто, а в небе если и шныряют ночные птицы, то далеко внизу, где разную насекомую мелочь хватают на лету мелкие пташки, мелких пташек – более крупные, этих еще крупнее, а тех уже настоящие гиганты вроде сов и филинов...

Перед глазами то и дело, заслоня весь мир, встает бледное лицо Дженнифер с отчаянными глазами, умоляющими о спасении. Я отгонял усилием воли и заставлял себя думать о том, как с минимальными усилиями составить карту Гандерсгейма. Военную карту, то есть в первую очередь дороги,

мости, переправы, источники воды, скопления военной силы противника...

Я вообще-то масштабник, и хотя одиночные рейды мне удаются лучше всего, но это уже пройденный этап. Больше всего тянет собрать армаду святого воинства и двинуться на Юг. Даже освобождение герцога, хоть и принесло успех, оставило чувство неудовлетворенности.

Сейчас же вообще занимаюсь какой-то ерундой... Хотя, конечно, отрядам Ульриха с освобожденным герцогом ехать не меньше месяца через всю Армландию к Тоннелю, а потом в Брабант, куда должны стягиваться и войска из гарнизонов Сен-Мари. Мне все равно нужно дождаться, когда все соберутся в одном военном лагере на подступах к Гандерсгейму.

Да и, честно говоря, никто лучше меня не составит его точную карту. Разве что колдун какой, что мог бы заставить летать птицу по указанным маршрутам, а сам, попивая вино в мягком кресле, рисовал карту. А еще лучше – запустить хробойла. Да только, видать, это такие дорогие и редкие штуки, что я вообще их не встречал больше.

Внизу уплывает равнина, с высоты идеально ровная, как выструганная столешница. Для конницы варваров разгуляться есть где, а вот мы, крестоносцы, больше предпочитаем... гм... не такие уж открытые пространства.

Да, в столкновении с такими же крестоносными войсками выбираем обширные поля, как, скажем, в битве при Грюнвальде, но в сражениях за гроб Господень с сарацинами у

легкой конницы есть небольшое преимущество...

Значит, надо усилить возможности наших стрелков. А это в первую очередь повышение дальности стрельбы. То есть более дорогие и сложные в изготовлении композитные луки... Кстати, в крепость Слово Ричарда начали прибывать первые партии, производство которых развернуто в Амальфи весьма масштабно, я оказался молодцом, предвидел нужду.

Внизу белеющая, словно посыпанная солью, широкая дорога уперлась в достаточно широкую и, как мне показалось, бурную реку. Звездное небо трепещет в ней, будто там новый Армагеддон, орды правоверных ангелов сражаются с мятежными, что значит, вода идет быстро. Дорога с этого берега с ходу нырнула в воду, исчезла надолго, а потом как ни в чем не бывало появилась на той стороне все такая же широкая и невозмутимая, словно и не преодолела эту водную ширь.

Я не поверил глазам, снизился и, оглядевшись, нет ли кого поблизости, осторожно опустился на дорогу рядом с роскошным песчаным пляжем, как-то совершенно бездумно перешел в личину человека.

Под ногами захрустело, я непонимающе уставился на каменную крошку. Когда опускался на эту чистую дорогу, с которой ветер смел всю пыль, здесь ничего не было, кроме твердой, утопанной множеством копыт и укатанной колесами телег земли, плотной, как камень...

Нагнувшись, я поковырял пальцем. Теплые, что странно,

ведь уже полночи прошло, мелкие крупинки гранита. Такого же точно, из глыб которого башни крепости Брабанта.

Сердце стучит чаще, я набрал этой крошки в ладонь, ту-по всматривался и кривил рожу, словно гримасы помогают в мыслительных процессах. Что-то торможу, но никак не пойму, откуда она взялась... а взялась именно в момент, когда я превращался в человека!

Вспомнил странное ощущение возросшей мощи, когда поднимался в небо, а затем пошел резать воздух острыми крыльями. Эта крошка была со мной... однако, похоже, тогда она была не крошкой.

Я воровато огляделся по сторонам, ночь, нигде никого, даже кузнечики не будут смеяться, сосредоточился, представляя, как превращаюсь в большого и страшного крылатого зверя... с буграми мышц, толстыми лапами, широкими крыльями, толстым и острым гребнем...

Долго ничего не шло, наконец перед глазами поплыло, песчаный берег и звездное небо раздвоились. Я поспешно закрыл глаза и начал внушать себе, что морда у меня совсем не такая, как у курицы или орла, без разницы, у меня, как у совы, бинокулярность... Обзор меньше, но не сойду с ума, синхронизируя два изображения с разных сторон.

Наконец почувствовал, что голова все еще кружится и малость тошнит, но все четыре лапы твердо уперлись в землю. Какие-то совсем не такие лапы...

Я поднял тяжелые кожистые веки. Почва от меня дальше,

чем обычно, что значит, сейчас я выше ростом, но – главное, – я в приличной яме прямо посреди дороги!

Понятно, мелькнуло ошарашенное. Сперва Логирд научил меня захватывать в трансформацию одежду и оружие, а сейчас вот я уже способен использовать и окружающую, так сказать, среду. На панцирь поверх спины, на шипы, на костяные наросты, особо прочную чешую на боках и брюхе, на толстый и острый гребень...

Выбравшись из ямы, я подпрыгнул, неуклюже взлетел, но повело вбок, завалился тяжело, захрустели кости, остро кольнуло болью. К счастью, рептилии менее чувствительны, я сосредоточился, торопливо зарастил переломы. Значит, с тяжелым телом нужно учиться летать заново...

После трех попыток взлететь я решил сперва просто перенести тяжелую задницу вброд. Неспешная вода даже в самом глубоком месте поднялась не выше колена, а это значит, конница одолеет легко без всяких мостов. Да и пехоте не придется сколачивать плоты.

На том берегу я собрался и для тренировки возжелал стать человеком. Зрение смазалось, в голове головокружение и звон, чего раньше не наблюдал... очень медленно начал ощущать трансформацию, изменения во всем существе, легкая боль пробежала вдоль позвоночника и разом кольнула во все суставы.

Наконец я ощутил себя в своем привычном теле, но нечто сковало и не позволяет двигать нижней частью. Я в страхе

опустил голову и с великим облегчением перевел дыхание: никакого паралича, просто ноги в горке песка до самых колен.

– Сработало, – сказал я себе вслух с сильно бьющимся сердцем. – Сработало!.. Только бы не перебраться...

Сосредоточился, снова возжелал от всей души, если такая у меня странная душа, чтобы стал не просто летающей тварью, а огромной, грозной и страшной. Ну, страшной и так был, а вот огромной и грозной, что вообще-то нормальное желание любого самца, даже самого что ни есть интеллектуального...

Превращаясь еще медленнее, успел заметить, как зашевелился песок. Белые песчинки потекли ко мне, я успел ощутить их покалывание в оголенных частях тела. Зрение смазлось, уже не секунды, а долгие минуты чувствовал себя слепым, когда изображение колеблется, расплывается и дробится на множество мелких картинок, словно глаза вдруг стали фасеточными.

Тело летающего ящера показалось незнакомым, хотя вроде бы все такое же, затем я сообразил, что голова вдвое выше, чем была раньше. И сам я выше, но не за счет удлинившихся лап, просто крупнее и мощнее.

Отдохнув и приведя в порядок разбегающиеся мысли, я попытался вернуться в личину человека. Снова получилось вдвое, если не вчетверо медленнее, а когда превращение завершилось, обнаружил себя в песке уже не по колено, а до

пояса.

Еще час я сосредотачивался, затем получилось превратиться в огромного и толстого ящера, что-то вроде тираннозавра. О крыльях нечего и думать, зверски заболела спина, заныли суставы, как позвоночные столбы чудовищ не ломаются от перегрузок...

Хотя, может быть, именно от этого и вымерли. Держа это в уме, я торопливо менял тело, теперь не обязательно превращаться в человека, можно из ящера в ящера, те еще красавцы, кто увидит – зайкой станет, вот наконец-то приемлемое решение... да, терпимо. И громадный, и в то же время достаточно компактный, чтобы подняться в воздух.

Утреннее солнце подожгло облака, но земля покрыта странной фиолетовой тенью, особенно глубокой в низинах и оврагах. Воздух к утру не просто свеж, но холодный, будто лечу между незримых высокогорных пиков, полных льда и снега.

Мне нравится мое тело, над которым изгалялся до рассвета. Огромное, мощное, с плотным панцирем сверху, еще и острый гребень от затылка и до кончика хвоста, иглы я постарался сделать как можно более прочными. Вообще любой хищник нападает сверху, внезапно, вот пусть и получит первый отпор, пока я соображу, что на меня напали...

Широкие и усиленные добавочными сухожилиями крылья несут быстро и легко. Далеко внизу медленно и важно

проплывают качающиеся на ходу надменномордые верблюды. Когда пролетаю над ними, они выглядят мелкими гусеницами грязного цвета. Зато когда смотрю слегка сбоку, вижу длинные палочкообразные ноги, худые и с широченными копытами, что не дают им проваливаться в песок.

Чуть левее по высокой траве несется крохотная группа охотников. Четверо на легких неподкованных конях догоняют оленя. Я ожидал, что убьют стрелами, варвары хорошо стреляют на скаку, однако один из всадников поравнялся с оленем и красиво прыгнул на него с седла.

Олень рухнул, как подкошенный. Охотник буквально через секунду подхватился и вскинул руки в понятном даже мне жесте: он свернул оленю шею голыми руками.

Этот край, мелькнула мысль, можно пройти с боями даже не останавливаясь. Народ, что кормится охотой, вынужден жить крохотными семьями на больших пространствах, иначе никакой добычи не хватит. Даже село – непростительная роскошь для людей-охотников.

Крылья начали ныть и выпрашивать отдыха, я раскинул их пошире и попробовал планировать. Не помогло, держать их растопыренными тоже немалое, хоть и меньшее, усилие.

Стада овец попадаются все чаще, перегоняют их с места на место два-три пастуха и орава собак, похожих на волков. Потом я увидел первое стадо коров, пока небольшое, но через полсотни миль от этих стад зарябило в глазах: все склоны холмов покрыты пасущимися овцами, отдельно стада коров,

и я ошарашенно подумал, что в этой части Гандерстейма наше победоносное войско слегка забуксует. Это не охотники, а уже кочевники, их на единицу площади в десятки, если не в сотни раз больше. Да и дерутся кочевые народы отчаянно, мир запомнил это по чингизам и прочим аттилам.

Правда, одежда – почти вся из шкур. У бедных – грубо выделанная, а то и вовсе просто содранная со зверя и высушенная, разве что мездру удалили. У богатых одежда из кожи, иногда просто выделанной очень тщательно. Но все-таки везде кожа, кожа, кожа...

Не только одежда – палатки, юрты, седельные мешки и сумки, конская упряжь, все-все только из кожи. И хотя кожа – это совсем неплохо, однако же когда только кожа, пусть и в таком разнообразии, что даже в Сен-Мари не увидишь...

Солнце все еще сохраняет утреннюю чистоту и ясность, небо бездонно, а воздух свеж. Крылья легко держат над землей, теперь прямо в полете по мере необходимости перестраиваю то для короткого и быстрого рывка, то для неспешного парения на гигантских, но из-за этого непрочных и незащищенных.

Солнечный свет давно соскользнул с облаков, недолго я купался в нем единолично, потом он опустился на вершины пальм, те стыдливо заалели, а теперь тени лежат только между песчаными барханами. По дороге тянется вереница верблюдов, я напряг зрение, ага, везут всякую ерунду вроде

овощей, кувшинов с молоком, горы битой птицы – такое не для дальних дорог...

Ага, вон и город впереди, куда все это прут. Сердце мое застучало сильнее, я с трудом подавил желание ускорить полет и поскорее рассмотреть это нагромождение каменных строений. Та-ак, к нему четыре дороги, защитных стен нет, что и понятно, все-таки кочевники, с другой стороны – город слишком велик, чтобы его построили кочевники. К тому же он из камня, выглядит древним, очень древним...

Глаза мои выпучивались, раздвигая кожистые пленки век, помимо моего желания. Город практически не отличается от городов, которые видел в Сен-Мари. Это понять можно: варварам стало лень разрушать массивные городские стены, высокие башни, угрюмые казармы, сложенные из тяжелых гранитных глыб. Однако в городе кипит жизнь!

Я не рискнул спуститься ниже, перед глазами замелькали пестрые фигурки, когда до предела усилил зрение, утомительно все скачет и прыгает, рассмотреть трудно, но все же люди ходят свободно, на варваров не похожи...

Я старался держаться высоко и со стороны солнца, чтоб уж точно не заметили, сам до боли в черепе напрягал зрение. Вокруг города небольшие чахлые рощи пальм, еще вроде бы магнолии и олеандры, но сам город выглядит грудой выжженных камней, все застроено, дома прижаты один к другому, улочки тесные и кривые, все желтое, песок и камень, ни клочка зелени.

Спустился ниже и рассмотрел, что народ теснится у темных лавочек, исчезая под навесами, а выходит со связками чеснока, большими краюхами хлеба, толстыми желтыми кругами сыра. На соседней улице точно так же отовариваются седлами, уздечками и прочей конской упряжью.

Чем больше я всматривался, тем больше тревожило непонятное и странное несоответствие. Этот город ну никак не соответствует облику тех яростных и презирающих смерть варваров, что вторглись в Сен-Мари. Варвары – это молодая дикость, это невежество от детскости, а этот город говорит о древности, о былом величии, о позабытой уже славе отцов-прадедов...

Уж точно варвары не могли выйти из этого города. Пусть здесь все в упадке, но это упадок некогда древнего и великого народа, а по варварам издали видно, что идут молодые и яростные, только-только вылупившиеся из яйца и с детской драчливостью открывающие мир.

В центре города, как водится, большая городская площадь. Обычно возникает из большого луга, где горожане пасут коров и коз, какой-нибудь непригодной для заселения пустоши, а то и озера, где сперва селятся на берегах, а потом, по мере роста города, просто засыпают водоем землей, чтобы получить ценную в тесном городе землю.

Да что озера, я знаю великие столицы, что возникли на берегах рек, давших название этим городам, а потом упрятавшие эти реки в трубы и поместившие их под утрамбован-

ные дороги...

Я насторожился, на площади высится высокий и тонкий столб, абсолютно черный, похожий на жертвенник. Правда, великоват, больше похож на некий странно знакомый символ, но в черепе хоть и сразу зашевелилось некое узнавание, но сразу так ничего и не пришло в голову, а за это время город уплыл назад, впереди долина с множеством шатров, пасущиеся табуны невысоких лохматых коней, с высоты похожие на стаи леммингов, скачущие группы всадников с развевающимися знаменами...

Дремучие зеленые рощи остались за спиной, подо мной желтая глина безобразных холмов, белые камни в долинах со скудной травой и странно одинаковые косогоры, словно их кто-то выровнял космической лопатой.

Жаркий блеск светила слепит глаза, внизу белеют извилистые дороги, долины в зелени, много садов, но следом пошла неприятная пустыня с глинистыми холмами, где не удастся зацепиться траве, каменные россыпи, даже песчаные барханы...

...а потом снова сплошные сады, зелень, пальмы, множество мелких озер, между ними шатры, шатры, шатры, а по зелени долины скачут вольные табуны под присмотром одного-двух пастухов.

Ветер отогнал облака, солнечный луч осветил зубчатую, как стена крепости, верхушку горы. Древняя, изъеденная трещинами, кавернами и готовыми сорваться от малейше-

го толчка глыбами, она высится среди раскаленных песков, как грозное напоминание, что когда-то здесь все было ею, горой, но за миллионы лет одряхлело и рассыпалось в песок, и только она еще держится, постепенно дряхлея, уменьшаясь в размерах, но напоминая о былом величии.

Я пролетел было мимо, но что-то заставило насторожиться, краем глаза уловил движение. Из широкой темной щели почти под самой вершиной вылетело огромное серо-зеленое тело, чуть провалилось в воздухе, но тут же распахнуло огромные крылья.

Сердце мое дрогнуло и затряслось, как овечий хвост. Дракон, почти такой же, как и я, только зеленого цвета больше, однако за ним остается огненный хвост, словно приближается комета...

Дракон несся на меня, я поспешно взял в сторону, однако он тоже скорректировал движение. Дурак, мелькнуло у меня паническое, как ему объяснить, что я вторгся в его пространство нечаянно, кто ж знал, что там у него логово, я сейчас ухожу-ухожу, я только проездом, пролетом мимо...

Он погнался за мной, что за дурак, ему недостаточно отогнать, я поспешно заработал крыльями, но эта тварь догоняет, так что я не такой уж и ас, нечего гордиться...

И все-таки я человек, дракон распахнул пасть, чтобы ухватить меня за хвост, но я резко провалился вниз, а летающая тварь, никак не ожидая такого маневра, пронеслась поверху. Я тотчас вынырнул выше, дракон начал замедлять полет, ту-

по соображая, куда я делся, все как-то не по правилам, я в несколько взмахов догнал и вцепился уже ему в хвост.

Он завизжал так страшно, что внизу взметнулись пески. Его жуткая пасть метнулась ко мне, я поспешно отпустил хвост и, выставив крылья, как паруса, резко затормозил. Дракона отнесло с такой скоростью, словно попал в бурную реку со стремительным течением.

Мое тело затряслось, я со смятением ощутил, что происходит нечто, я не столько зол, как напуган, но тело уже готово к драке и жаждет ее. Этого еще не доставало, невидимые, но ощутимые токи струятся по всем жилкам и даже чешуйкам, подготавливая, перестраивая...

– Я пришел с миром, – каркнул я хрипло, – я уйду с ним...

Но прозвучало неубедительно даже для самого себя, хотя вообще-то и говорил для себя, но некоторые вещи надо произносить вслух и достаточно твердо, чтобы самому в них поверить и начинать следовать.

Дракон снова несется прямо на меня, пасть распахнул, передние лапы выставлены вперед для схватки, когти горят в лучах солнца алмазным огнем, а зубы так просто жуть какая...

Замерев, я распахнул крылья и ждал. Дракон налетел, как буря, как шторм, как лавина из камня. Я поднырнул, он пронесся сверху, щитки на спине заскрежетали под его когтями, а я, вывернув шею, вцепился зубами в его живот. Мои клыки легко пробили слабо защищенную мелкой чешуей кожу,

брызнула кровь. Над головой раздался дикий вопль. Дракон по инерции пронесся вперед, под моими зубами затрещала распарываемая ткань на брюхе.

Кровь брызнула струей, я разжал зубы и отпрянул, хотя умнее было бы продолжать терзать, а дракон мог бы пытаться только прокусить меня сверху, где острый гребень, где спина, голова и шея защищены крепкой броней, где чешуя превратилась в прочнейшие щитки, как черепица налезавшие друг на друга.

Он налетел с яростью, я довольно глупо встретил его грудью в грудь. Мы сцепились и медленно падали к земле, он ревел, я рычал, оба рвали друг друга острыми зубами, когтями, били крыльями.

Земля ударила снизу с такой силой, что выбило дух. Дракон оказался сверху и попытался ухватить меня зубами за горло. Я трепетал от смертельной опасности, эта машина для убийства действует безошибочно, я могу побеждать только за счет человеческой хитрости, но сейчас я просто дурак...

Мы рычали, ревели и утюжили барханы, катаясь по ним, как два сцепившихся броненосца. Кровь залила меня с головы до лап. Я дрался изо всех сил, и когда с тоской понял, что побежден, дракон вдруг выпустил меня и медленно заковылял, сильно хромя, в сторону раскаленных песков, за которыми через пару сот миль должно показаться море...

Крылья бессильно тянулись за ним, как старые изорванные тряпки. Я тупо смотрел ему вслед, наконец сообразил,

что я все-таки потрепал его крепче. Помогло то, что сразу нанес серьезную рану, а кровопотеря обессилела его. А так вообще-то чудовище просто идеальное для полета и сражений...

Регенерация медленно проснулась, робко и неуверенно взялась за исправление повреждений. Я тяжело дышал и косился в сторону двух десятков пальм в трех сотнях шагов отсюда, ноздри уловили восхитительный аромат влаги.

Пока я брел в ту сторону, ощутил, что хромаю едва ли не сильнее, чем побежденный дракон. Пальмы приблизились и расступились, в самом центре небольшой водоем, кто-то заботливо выложил края большими белыми камнями, защищая от наступающих песков. На дне этого крохотного бассейна бьет небольшой бурунчик.

Я опустил морду в воду, она настолько холодная, что свело губы, а когда коснулся ими дна, бурунчик просто заледенил морду...

Напившись, я в бессилии растянулся рядом, в голове все крутятся сцены воздушного боя, я был хорош только в первую минуту, а потом сглупил, что едва не стоило жизни. Дракон – идеальный хищник, но у меня еще и мозги. Все, что умеет дракон, должен уметь и я, но дракон ограничен инстинктами, пусть даже очень разнообразными, а я вообще-то могу больше... мог бы, если точнее, если бы не был дураком.

Далекие голоса, едва слышные, стегнули по нервам, как

бривой. Я насторожился, быстро поднял голову. Шагах в пятидесяти четверо людей поспешно упали на колени. Я не двигался, рассматривал, и они поднялись, сделали в мою сторону один шаг, второй, третий...

Я все еще не шевелился, все трое в простых одеждах бедуинов, так бы я их назвал, и пусть они не бедуины, но в пустынях все одеваются одинаково по-бедуиньи. Трое мужчин и одна девушка с платком на голове цвета песка, он повязан так туго, что вижу только лицо. Держится она, в отличие от мужчин, с гордо отведенными назад плечами, смотрит на меня прямо.

Старший по возрасту из мужчин прокричал издали:

– О, Великий Дракон!.. Мы видели твою схватку с твоим вассалом, возомнившим... или посмевающим тебе перечить...

Второй крикнул:

– ...или недостаточно быстро выполняющим твоё желание!.. ты силен и могуч, твоё величие безмерно!

Третий часто кланялся и восклицал:

– Пощади нас, Великий!.. Пощади нас, Могучий!.. Позволь нам жить и славить твоё великое имя!

Они медленными шажками подходили ближе, останавливались, выжидая в ужасе. Я не шевелился, и они делали ещё два-три шага. Девушка смотрела прямо перед собой блестящими от слез глазами, прямая и с отведенными назад плечами. Я бросил на нее короткий взгляд, а передний мужчина, похожий на хозяина каравана, сорвал с нее платок и тороп-

ливо отступил, стараясь не смотреть мне в глаза.

– Пощади нас!

Двое подхватили униженно:

– Смилуйся над нами!

– Позволь нам подойти к воде!

– О, Великий и Могучий!

Лишившись платка, девушка словно вспыхнула в багровом зареве заката. Волосы цвета красной меди освобожденно хлынули на плечи, на грудь и спину. Она гордо вскинула голову, плечи все так же надменно отведены назад, отчего небольшая, но крепкая, судя по виду, грудь туго натягивает ткань легкой рубашки.

Я смотрел на нее, одновременно поглядывая и по сторонам, мне только в ловушку попасть недостает в чужом краю. Далеко-далеко за спинами караванщиков из-за барханов выступают верблюжьи горбы. Еще одного остановили менее удачно: вижу целиком, даже могу разглядеть, что находится в накрытых корзинах, свисающих с обоих боков. Проводник каравана на мелком ослике, суетливо отгоняет его под защиту песчаного холма.

Девушка по-прежнему молчит и смотрит поверх моей головы. Мужчины дальше не решаются ступить, один взял в руки длинный шест и тыкал им ее в спину. Она сперва противилась, хоть и слабо, потом вскинула гордо голову и пошла в мою сторону, держа плечи разведенными в стороны.

Я наконец сообразил, почему у нее такая горделивая стой-

ка: руки туго связаны за спиной.

Старший из мужчин воскликнул:

– О, Великий Дракон, властелин всех драконов! Мы склоняемся перед твоей красотой, мощью и величием!.. Прими от нас эту скромную жертву... она чиста, как рыбка в ручье...

Второй пояснил подобострастно:

– Она девственница!..

– Прими от нас дар, – добавил третий, – и позволь нам подойти к воде! Иначе мы все умрем от жажды...

Я видел их лица и понимал, что они видят. Ужасающий дракон закован в толстую броню, самое уязвимое место на брюхе, где чешуя плотно налегает одна на другую, так что любой удар по дракону будет соскальзывать мимо. Каждая чешуйка размером с ладонь человека и толще рыцарского щита. Грудь дракона закрыта сплошным костяным щитом, на спине вообще нагромождение плит, а еще и острый гребень с торчащими иглами. Глаза надежно укрыты выступающими костяными валиками.

И этот дракон нагло расположился у единственного источника, где они могут пополнить запасы воды для перехода через пустыню.

Вдруг захотелось сказать этим остолопам, что все они дураки, один я умный, и гордо сообщить, что вера Христа отменила человеческие жертвоприношения. Хотя еще до Христа Аврааму в последний момент на жертвенном камне под-

сунули ягненка вместо сына, тем самым дав понять дикарям, что пора детей оставить в покое, но это было весьма локально, а весь мир еще долго приносил в жертву людей, но Христос, да, Христос отменил окончательно...

Вторая мысль, более здравая, что сам дурак, редкостный и круглый, если вообще открою рот и заговорю, как валаамова ослица. Дракон должен вести себя как дракон, иначе уважать не будут. И вообще... Не стоит привлекать внимание. Взял жертву и все, норм. Прочие напились воды и забыли. Жизнь есть жизнь, о другом надо думать.

Я поднялся, мужчины упали на колени и уткнулись лицами в песок. Девушка с красными волосами смотрела на меня с отчаянием в удивительно серых глазах, крупных и чистых. Я видел на ее лице и жажду борьбы, и желание прибить меня, как большую злобную ящерицу, и попытки быстро придумать, как спастись.

Довольно рыкнув, я поднялся во весь рост, растопырил крылья. Мужчины как уткнулись лицами в песок, так и не шевелятся, зато жертва вперила в меня горящий ненавистью взгляд.

– Ешь меня, – проговорила она чистым сильным голосом, – тупая, злобная и старая ящерица!.. Жри, отвратительное животное!

Даже верблюды за песчаным холмом задрожали, когда я довольно взревел, мои передние лапы ухватили ее, я подпрыгнул, ударил крыльями и взвился в воздух.

Караван из восьми верблюдов, два мула в арьергарде и проводник на ослике, возле него двое мужчин с обнаженными мечами. Я быстро поднимался выше, слева появилась одинокая гора, я направился к ней, держа взглядом пещеру, из которой вылетел потрепанный поражение дракон.

Мне казалось, что несу в лапах горящий факел, настолько красиво развеваются по ветру красные волосы. Девушка бессильно висит в моих лапах, тело тугое, мускулистое, прокаленное солнцем, когда не остается жира, а только мышцы под коричневой от зноя кожей. Мне показалось, что потеряла сознание, на ходу опустил голову, рассматривая добычу.

Словно ощутив мой взгляд, она вскинула голову и прямо посмотрела в не слишком симпатичную драконью морду. Молодец, мелькнула мысль. Редкая отвага...

Гора приблизилась, я замедлил полет, пещера широка, но влетать не стал, кто знает, что там, довольно неловко опустился на каменную площадку, проскрипев по ней брюхом. В какой-то момент девушка вскрикнула, я поспешно разжал лапу, не задавить бы ненароком, хотел было освободить ее, но передумал и заковылял с добычей в пещеру.

Огромная, под стать моим размерам, под дальней стеной течет ручеек, две широкие щели указывают, что дальше еще пещеры, пусть и поменьше.

Я выпустил девушку из лап, держа над самым каменным полом. Она упала на бок и затихла, скорчившись и поджав колени к подбородку. Я прошелся, грузно топая, вдоль стен,

осматривая их на предмет щелей, одновременно посматривал и за добычей.

Она с минуту лежала неподвижно, как яркий цветок с распутившимися красными лепестками, похожими на языки огня. Глаза широко раскрыты, всматривается и вслушивается, потом медленно села. Раз в панике перед чудовищем не пытается выброситься наружу с такой высоты, я заглянул в одну щель, потом перешел на другую сторону и посмотрел в тот проход. Размеры тех пещер отсюда не определить, видно только, что на полу одной блестят сколами упавшие со свода камни. Щель туда ведет узкая, мне с моей грудью и вообще моей статью не пролезть.

– Ну что, – прогрохотал я громовым голосом, от которого задрожала земля, – говоришь, готова, чтобы тебя сожрала тупая злобная ящерица? И... какая-то еще, забыл...

Она приоткрыла один глаз и смотрела со страхом.

– Ты... говоришь?

Я шумно хмыкнул, заставив ее снова вжаться в пол так, что почти превратилась в камбалу.

– А ты не слышишь? Уши засорились? Или волосы там свалялись?

Она прошептала, прижимаясь щекой к полу и глядя на меня устрешенно одним глазом:

– Но драконы не разговаривают... вроде бы.

Я прорычал угрожающе:

– Между собой разговаривают, а с вами брезгуют, непо-

нятно?

Она торопливо проговорила:

– Прости меня, великий и могучий...

Крепко сбитая, прокаленная солнцем, она лежит неподвижно, но я чувствую, что готова в любой момент взвиться в воздух, а там пойди угадай, как поступит женщина, если ни одна из них сама не знает, что она сделает в следующий момент.

Судя по ее напряженному лицу, быстро-быстро перебирает все варианты, чтобы и меня прибить, и все золото и сокровища забрать – в пещерах драконов полно сокровищ, все знают, и шкуру мою содрать, не попортив, и вернуться домой с победой, везя мою голову на отдельном верблюде.

– Что же еще? – спросил я требовательно. – Тупая, злобная... и какая еще?

Она прошептала едва слышно:

– Никакая...

– Никакая? – повторил я. – Это я – никакая? Такой красавец? Такое чудо в чешуе и без перьев?.. Не-е-ет, ты обозвала как-то еще...

Она сказала громче:

– Я сказала только это!

– Врешь, – обвинил я, – ты назвала меня еще и старым. Был бы я женщиной – прибил бы за такие слова! Но нам, самцам, по фигу.

## Глава 6

Она не сводила с меня глаз, в то же время ухитрялась быстро-быстро зыркать по сторонам, сама чуть пригнулась, будто готова броситься в схватку, вид злой и решительный.

– Что ты хочешь? – потребовала она.

Я прорычал свирепо:

– Как что? Ты дура, что ли?.. В каком мире живешь? Сожрать, конечно. Здесь все друг друга жрут.

– Но ты не съел сразу, – возразила она. – Почему?

– Сыт, – прорычал я. – Да и вообще... Ты хоть потанцуй. А то и есть тебя как-то неинтересно. Кстати, а что те караванщики говорили насчет твоей девственности? Это к чему?

Она вздрогнула, в широко расставленных глазах мелькнул ужас, а голос впервые дрогнул.

– Н-не знаю, – прошептала она, – наверное, девственницы вкуснее... Да-да, вкуснее! Молодые барашки вкуснее старых, а самые лакомые – ягнята...

Я спросил с сомнением:

– Значит, ты вроде ягненка?

Она торопливо кивнула:

– Ну да... Вроде. Только ягненок вроде младенца, а я уже постарше... Но сейчас я совсем невкусная.

– Барашек? – переспросил я. – Барашек-самочка?.. А что, барашек-самочка вкуснее просто барашка?

Она сказала просяще:

– Если и есть разница, ты ее не заметишь.

– Я настолько туп? – спросил я. – Или нечувствителен?

– Нет-нет, – сказала она торопливо, – разница ничтожна.

– Ну, – протянул я, – не знаю, надо будет сравнить.

Она вскрикнула:

– Только не сейчас, хорошо?

Я удивился:

– А что изменится?

– Я устала, – сказала она, – измучилась, от меня дурно пахнет. И вкус испортился. Вот если отдохну...

– Я вообще-то некапризный, – заявил я гордо. – Самцы не перебирают. Мы о высоком думаем. И куда ушли мамонты.

Она произнесла уверенно, почти с апломбом:

– Потом жалеть будешь.

Я подумал, поскреб когтем голову. Звук получился похожим, как если бы точильным камнем размером с плиту провели по гигантскому лезвию меча. Она побледнела, вздрогнула и плотнее прижалась к каменному полу, но выражение лица оставалось хитрым и упрямым.

– Тогда подождем, – сказал я, решив, что напугана достаточно. – Отдыхай. Есть хочешь?

Она зябко передернула плечами, приподнялась и села, доказывая, что осваивается очень быстро.

– Нет!.. Ни за что!... А что, у тебя и еда есть?

– Нет, – признался я. – Это не мое гнездо, здесь я... про-

летом. Я гордая птица, всегда в пути и всегда с песней. Хочешь, спою? Ладно, пока не буду. Зато могу что-нибудь принести. Пару коров хватит?

– Даже пару?

– Могу три, – сказал я. – Хотя не за раз. А может, и смогу. Просто не пробовал. Я интеллеktуал, а не работник.

Она все больше распускала напряженное тело, из глаз постепенно выветривается панический ужас. Даже слишком быстро, мне такое не нравится. Женщина да убоится мужа. В смысле, мужчины.

– Спасибо, – сказала она торопливо, – но мне в самом деле ничего не надо. Огня здесь нет, а сырое есть не буду.

– Люди едят и сырое, – заметил я.

– Я озверела не настолько.

– Ладно, – сказал я, – что-нибудь придумаю. Я вообще люблю придумывать. Мы, драконы, великие придумыватели... Такое напридумываем! Потом неделю земля горит.

Она вздрогнула, обхватила руками плечи. Красные волосы падают на лицо, красивое лицо сильной и волевой женщины, широко расставленные серые глаза смотрят прямо и решительно, такую невозможно представить себе кокетничающей или жеманничающей...

– Да уж, – произнесла она негромко, – вы такие...

Я не понял, сказала это в отношении драконов или вообще нас, самцов, мы же в самом деле такие, у нас лихость ценится выше ума, а благоразумие – что-то вроде позорящей

нас сыпи на лице.

Пещера достаточно просторная, я могу делать шагов по пять от стены до стены, у основания одной выбивается ключик, пробегает два шага и снова ныряет под стену.

На вкус вода показалась просто божественной, я сообразил, что давно не пил, а лететь так долго по солнцепеку с ношей в лапах – недолго и тепловой удар схватить.

– Хороша, – прохрипел я довольно. – Можешь пить... Бить не буду.

Она ответила негодующим взглядом. Я отвернулся, при следующем вылете нужно взять с собой и оставить на дороге вблизи любого города или села. Здесь, похоже, несколько иные нравы... Вообще-то в любом обществе незамужняя девушка не может выходить за пределы дома без сопровождения старших женщин, строгих и проверенных. В этом мире хоть и строгая мораль, но в любом королевстве все делается так, чтобы не возникало даже сомнений в целомудренности дочерей.

У замужних прав побольше, однако и они обычно передвигаются в сопровождении служанки или помощницы: дел много, нужно успевать держать в порядке и дом, и хозяйство. Правда, благородные дамы и без того не покидают замки, так что не чувствуют утеснения прав, а в самом поместье обычно хватает места для прогулок, можно разбить даже сад. Если есть время и свободные руки...

У варваров, может быть, нравы чуть свободнее, но не

слишком. К примеру, в их войске я не видел женщин, так что нет и речи о равноправии... Кентавры, огры и тролли были, а женщины – нет. Впрочем, это больше говорит о том, что в их обществе с трудностями и без женщин справляются...

Легкое движение заставило быстро повернуть голову. Девушка, моментально вскочив, бросилась через пещеру к стороне первой щели. Я чувствовал, что успеваю перехватить, но нарочито задержался, а ее легкое платье мелькнуло и пропало в темноте.

Раздраженно рыкнув, я подошел ближе. Пещера невелика, девушка прижалась к противоположной стене, на лице ужас, но даже сейчас нет паники, а смотрит так, будто выбирает место, куда двинуть хотя бы кулаком. Я измерил глубину пещеры взглядом, при желании лапой могу дотянуться в любой конец.

Я прорычал:

– Вы...ле...зай...

Она потрясенно молчала, я видел по ее напряженному лицу, что никак не может сообразить, как держаться с чудовищем, которое разговаривает вполне понятно и, возможно, даже разумно.

После долго паузы она спросила злым голосом:

– Зачем?

– Чтобы съесть тебя, – объяснил я. – Мы же договорились!

Что ты какая-то бестолковая?

Она ответила храбро:

– А я не хочу, чтобы ты меня съел!.. Я передумала.

– Это по-женски, – согласился я. – Передумала, забыла, не так поняла, не сообразила... Но в той норе все равно околеешь. Представляешь, в безобразной позе!

Она призадумалась на миг, но ответила с вызовом:

– Зато ты не съешь!

Я напомнил покровительственным тоном самца, что все видит и все понимает лучше в силу принадлежности к царствующему полу:

– Будешь умирать долго и в страшных корчах голода. А тут я съем быстро. Еще и буду похваливать, а то и нахваливать, если будет вкусно. Разве женщины не любят комплименты? Вылезай.

Она сказала быстро:

– Ты что, не видишь, какая я худая?

Я посопел и проговорил в тяжком раздумье:

– Это что же... тебя сперва откормить надо?

– Да, – ответила она торопливо. – Да! Тогда буду сочная и вкусная!

Я снова подумал, сказал в том же драконовском размышлизме:

– Да? Ну, хорошо... я принесу тебе, как уже говорил, корову. Или две... Сколько тебе надо? Может быть, три?

Она помотала головой:

– Одной хватит. Но еще лучше – козу. Помельче.

Я прорычал:

– Ладно. Сейчас принесу. Жди!.. Никуда не уходи.

На выходе из пещеры я оглянулся, она опасно выглядывала из своего убежища. Глаза блестят, как у насмерть перепуганного зверька, который готов драться за жизнь до последнего вздоха.

Я прыгнул с уступа, расправил крылья и дважды облетел гору, осматривая ее как с той стороны, так и с боков. Больше щелей нет, но если бы эта красноволосая и отыскала ход на другую сторону, все равно везде обрывистая стена, спуститься просто невыносимо.

Солнце стоит в зените, мир затих в палящем зное, все живое прячется в тень. Среди желтых песков в жутком величии блещет цветным фаянсом некое сооружение, скорее всего – религиозного культа. Только храмы люди делают с такой любовью, надеждой и тщательностью, даже если сами живут в норах и землянках.

Оно даже не разрушено, лишь окна зияют пустотой, а купол рухнул, зато огромное здание уцелело, что и неудивительно, мы церкви тоже строим не только для отправления ритуалов, но и как самые надежные убежища. Когда вся деревня горит, а враги скачут на злых конях и отыскивают, кого бы еще изнасиловать или убить, народ обычно спасается в каменной церкви с прочными стенами.

За этим зданием открылась странная полоса пышной зелени, странная малой заселенностью, в то время как даль-

ше на скудном и выжженном солнцем пространстве раскинулся целый город. За ним потянулась долина с серо-желтыми камнями, приплюснутые холмы, почти уже и не холмы, а далеко-далеко проступают древние слоистые горы, остатки некогда величественного хребта...

Кипарисы, что в Сен-Мари встречаются в виде отдельных деревьев, мелких и чахлых, здесь целыми рощами, высокие, даже величественные. Оливы тоже огромные, с толстыми раздутыми стволами и покрученными красиво ветвями, я так и вижу в их тени отдыхающих патриархов, узнаю в редких всадниках на осликах знакомые по рассказам отца Дитриха персонажи из Святого Писания.

С высоты рассмотрел, как на краю рощи, в густой тени пальм лежат, истомленные жарой, стройные газели, которых так любят сравнивать с женщинами. Или женщин с этими глупыми и боязливыми животными. Наверное, именно потому, что эти козы глупые и боязливые, такими бы мужчины хотели видеть женщин, чтобы на их фоне без всяких усилий смотреться умными, отважными и сильными.

Я подумал, что пора возвращаться, сделал полукруг и пошел на снижение. Газели тут же вскинули головы, проследили за моей траекторией, начали вскакивать по одной, передавая тревогу по цепочке, потом по кругу. Я приблизился достаточно близко, чтобы рассмотреть чистые девичьи глаза и эльфячьи уши, уже выпустил когти, готовясь ухватить самую неуклюжую, надо же помогать Дарвину с его отбором,

но газели разом, как стая бабочек, приснули в рощу под защиту деревьев.

Все-таки козу я вскоре поймал, но не утерпел, а сожрал, выплюнув только голову и копыта, хотя, если по правде, был соблазн их сжевать тоже. Чувствую, желудок переварил бы с легкостью. Интересное ощущение, когда вот так налетаешь сверху, как коршун, вонзаешь когти и прижимаешь всем телом к земле...

Небольшое стадо заметил на опушке леса, дуры, тоже могли бы спастись бегством в чащу, но, сказано, козы, ринулись врассыпную. Авошь, дескать, схватят не меня, ну прямо люди будущего.

Я присмотрел помоложе, обрушился, как камень, сразу свернул ей шею и взмыл в воздух. Впереди уже показалась гора, когда подумал, что это я сожрал сырую за милую душу, а женщине предлагать такое как-то неприлично, хотя женщина еще тот зверь, однако же надо соблюдать условности...

Поднявшись выше, раздраженно обозревал окрестности, пока не увидел в лесу пару засохших деревьев. У одного даже кора отвалилась пластами, стоит голое и абсолютно гладкое, словно обглоданная муравьями слоновая кость.

Козу пришлось опустить на землю, а пока ломал дерево, к ней пытались подобраться пара молодых волков. Я рыкнул, они умчались, а я, сломав наконец сушину, подхватил ее и животное и, нагруженный, как сытая пчела, полетел к пещере.

Судя по тому, что увидел на землях Гандерстейма, только ленью и коррупционностью, разьевшей королевство, можно объяснить, почему эта часть еще не завоевана, а местный народ не покорен. Экономика Орифламме неизмеримо мощнее, оружейники куют великолепные доспехи и оружие. Единственное, в чем варвары превосходят сенмарийцев – в отваге, презрении к смерти и силе духа. Но никакая отвага не устоит, если закованные в прекрасную сталь войска будут неумолимо теснить их с насиженных мест.

Да, здесь варвары наверняка не отступят, как на чужих землях Сен-Мари. Что ж, мир жесток, ручьи переполнятся кровью, вороны одними выклеванными глазами обожрут так, что не смогут летать, а волки расплодятся вблизи полей сражений, зато уцелевшие женщины и дети примут то, что принесут победители. Принесем...

Стойбище, над которым я пролетел на обратном пути, достаточно крупное: в центре огромный шатер, явно для собраний и советов, а вокруг не меньше трех десятков шатров поменьше. Больше уже просто невозможно: и эти живут, судя по всему, охотой, а для нее нужны просторы. Дикая звери не ходят такими стадами, как домашние...

Идея пришла неожиданно, я даже остановился на миг в воздухе, глупо хлопая крыльями, потом резко пошел вниз. На земле заметили приближение дракона поздно, поднялся крик:

– Дракон!

– Дракон нападает!

– Бегите, там дракон!

Я не рискнул опускаться в центр без острой необходимости, я же умный, хоть и с гребнем на спине, плюхнулся возле самых дальних шатров. Кони ржут и бьются у коновязи, из шатров выглядывают испуганные женщины и дети, тут же прячутся, как цыплята при виде коршуна.

Мужчин нет, я с облегчением перевел дыхание, выпустил из когтей козу и бревно. Между шатрами разбросал бытовой хлам, трудно вообразить такую бедность, и эти люди медленно поглощают богатое и цивилизованное Сен-Мари? – подошел, грузно топая, к коновязи.

Пара коней сумели оборвать ремешки и умчались, остальные визжали и поднимались на дыбы. Я подобрал два туго набитых седельных мешка, вернулся к бревну и козе, вздохнул тяжело и, захватив все в лапы, тяжело поднялся в воздух.

Вдогонку мне выглядывали в страхе и безмерном удивлении. Представляю, какие догадки строят, начиная от того, что дракон вьет гнездо и собирает всякий подходящий материал, как делают воробьи и зяблики, и заканчивая самыми дикими предположениями, на какие только кто горазд...

Набирая высоту, я снова подумал, что не так уж трудно привести сюда войско, сжечь все и выстроить мощный каменный замок. По крайней мере, сейчас. С высоты своего великолепного полета все кажется ясным, простым и легко

осуществимым. И вообще я – птеродактиль высокого полета. Нет, уже дракон. Птеродактиль... гм... в прошлом.

И, что удивительно, города практически не отличаются от оставшихся в самом Сен-Мари. Создается впечатление, что варвары, завоевав их, сразу теряют к ним интерес и брезгливо обходят, как нечистые или прокаженные места. Вообще-то знаю немало примеров, когда на одной территории живут два разных народа с разными обычаями и даже разными верованиями, но как-то не ожидал здесь... гм... наверное, потому, что не прошла еще железной поступью кроткая и всепрощающая церковь с ее нетерпимостью к иным богам?

Гора с пещерой на вершине, где я оставил пленницу или жертву, как ее называть точнее, быстро вырастает в размерах. Крохотная женская фигурка появилась в пещерном зеве. Не видя ничего опасного вблизи, моя жертва вышла на каменный выступ и глянула вниз, но быстро отступила, убоявшись смотреть в бездну.

Я парил на большой высоте, раскинув крылья, тихо и не привлекая внимание хлопаньем крыльев, однако она успела заметить меня по мелькнувшей тени, ринулась бегом обратно.

Когда я пошел на снижение, подол ее платья мелькнул на темном фоне пещеры и растворился во мраке. Когти заскрежетали по камню, я втащил козу в пещеру и швырнул на середину, а следом бросил сухой ствол дерева.

– Женщина? Ты где?

Она откликнулась из своей норки дрожащим голоском:

– Я здесь!

– Выходи, – велел я. – И разделявай козу.

Она крикнула:

– Ни за что!

– Почему?

– Ты меня съешь.

Я прорычал оскорбленно:

– Чего это вдруг?

– Ты ж дурной, – сказала она рассудительно. – Драконы все дурные. И уже забыл, о чем мы с тобой договаривались?

Я изумился:

– А мы о чем-то договаривались? И свидетели есть? Вообще-то дурная здесь ты. Зачем тогда я ловил эту рогатую?.. Мы ж условились с тобой сперва тебя откормить, а потом съесть. Выходи.

Она робко высунула голову, готовая отпрянуть при любом движении.

– Но чем ее разделявать? У меня нет даже ножа...

– Уже есть, – перебил я и бросил к ее ногам вещевой мешок. – Там все тебе нужное.

Она быстро ухватила седельную суму, я видел, как заблестели восторгом и надеждой ее глаза. Лицо вспыхнуло радостью, мгновенно прикинула, как может применить не только для разделки козы, я тоже вроде козы, хоть и побольше, но когда подняла голову, сказала торопливо:

– Хорошо, я разделаю это... Но только останусь здесь. На входе... ну, сюда.

Я прорычал:

– Чтоб в любой момент обратно, как трусливая крыса?

– Я не трусливая крыса! – сказала она с негодованием.

– Тогда чего же...

Она подумала и сказала с фальшивой улыбочкой и таким неестественно сладеньким голоском, что не обманула бы даже придорожный камень:

– Нет-нет, что ты! Я как раз мечтаю поскорее и получше откормиться, чтобы ты меня съел и получил удовольствие!

– Вот это хорошо, – одобрил я. – Я люблю получать удовольствие. Ты молодец. Давай, снимай шкуру. Да не свою, а козью. Готовь, посмотрим, что ты умеешь... как женщина.

## Глава 7

Она села так, чтобы оставаться в своей крохотной пещерке, коза между нами на пороге, а я в центре этого большого зала со сталактитами на своде. Раньше я полагал, что они бывают только в подземельях, но, видимо, это следствие возраста горы, а не ее местонахождения.

– А ты в самом деле, – поинтересовался я, – вкуснее козы?

Она растерянно приоткрыла рот, вроде бы согласиться – опасно, могу обед начать с нее, но и признаться, что какая-то коза лучше нее – обидно, для женского самолюбия вообще немислимо, ни одна женщина не признает преимущество другой женщины, сложная задача, наконец ответила чисто по-женски:

– Ты бы лучше сучьев принес! А это целое дерево, его надо пилить и колоть...

– Зато сухое, – сказал я.

– Его надо порубить...

– Не надо, – ответил я.

Она вздрогнула и подалась в глубь своей норки, когда дерево затрещало в моей лапе, распадаясь на щепки с лохматыми краями.

– Ого! Ну ты и зверюга...

– Можешь пощупать мои мускулы, – предложил я скромно.

Она настороженно отступила вглубь, затем собрала разлетевшиеся щепочки и начала ставить их шалашиком, а самые мелкие внизу, но сколько не била кресалом по огниву, искры вылетают яркие, шипящие, однако дерево упорно отказывается воспламеняться.

Я слышал, как она ругается сквозь зубы, даже сказала что-то резкое на непонятном для меня языке, что, возможно, и не язык вовсе. Я размышлял о странном устройстве Гандерстейма, стараясь найти аналогии, с ними всегда проще и спокойнее, а на ее злое ворчание сказал насмешливо:

– Разговариваешь сама с собой? Это первый признак безумия.

Она огрызнулась:

– Первый признак – разговаривать с тобой.

– Правда?

Ее глаза сердито блеснули.

– А разве нет? Дракон, видите ли... И вот оно, представьте себе, разговаривает! Только люди могут разговаривать, понял?

Я буркнул:

– Ну почему же так резко... Женщины вон тоже разговаривают.

Она оскорбленно засопела и отвернулась. Я создал шарик огня и метнул из-за ее спины в щепочки. Вспыхнуло, мелкое пламя затрепыхалось на дне, принялось лизать щепочки и даже пыталось расщелкивать те, что покрупнее.

Женщина сердито оглянулась. Испуг и возмущение дивно сочетаются на суровом и решительном лице с возмущенным взглядом.

– Это ты плюнула в огонь, ящерица?

– Я не плевал, – ответил я. – В огонь плевать – непристойно. Некрасиво. Хотя идею ты подбросила...

– Насчет плеваться?

– Нет, но если я дракон, то могу быть огнедышащим...  
Надо попробовать...

Она поспешно отодвинулась.

– Не смотри на меня так! Ты меня еще не откормил. Да и просто поджарить мало. Надо сперва зерна принести для гарнира, соли, специй...

– Все найду, – пообещал я. – А потом сядем да ка-а-ак нажремся!

Костер разгорелся ярко, она поглядывала то на огонь, то на меня.

– Наверное, здорово, когда у тебя внутри еще и кузница? А с виду ты такой холодный и противный...

– Чего во мне только нет, – ответил я скромно. – Я весь из достоинств, больших и малых.

– Ну-ну... – пробормотала она. – А самое большое у тебя достоинство – непомерная скромность.

– Да, – согласился я довольно. – Чего много, того много.

Она сдирала шкуру достаточно умело, деловито, не морщилась, настоящая дочь степей, что овец режет сама, а не

просит помочь соседа. Снятую шкуру отшвырнула в сторону, выделка потом, тушку не стала разрезать на части, но со знанием дела точно рассекала сухожилия, отделяя равные куски мяса и натывая на прутья.

Я лежал неподвижно, морду положил на лапы, глаза закрыл, мне достаточно и запахов, чтобы видеть ее всю со всеми страхами, надеждами, жадной выжить уцелеть, не сдаваться и, если получится, победить.

Мышцы ноют от усталости, которую никак не назовешь сладкой, чуточку переборщил я с размерами. Пожалуй, во время следующего вылета сброшу пару сот фунтов...

Я начал дремать, когда ноздрей коснулся сладковатый запах. Глаза сами приоткрылись, женщина у костра деловито переворачивает на вертеле тушку. Ободранная и выпотрошенная коза выглядит не крупнее зайца, бока уже подрумянились, но внутри мясо не прожарено, потому и сгребает уголья в кучу, чтобы жару побольше.

Отдельно на прутиках подрумяниваются небольшие ломтики с самых лакомых частей.

Я прорычал:

– Неплохо...

Она вздрогнула, напряглась.

– Проснулся? Ты спи, спи, ящерица.

– А ты мне горло перережешь? – спросил я, она напряглась, похоже, я угадал, потому распахнул пасть и захохотал: – Глупенькая, я пошутил... Меня зарезать невозможно. Моя

смерть отделена от тела.

Она удивилась:

– Как это может быть?

Я прорычал лениво:

– Бессмертным быть нельзя. Но можно свое уязвимое место отделить от себя. Я, например, держу его вот в том камне...

Она проследила за моим указующим когтем, грустно улыбнулась.

– Ну да, ну да. Я, чтобы тебя обмануть, должна украсить тот камень цветами и гирляндами, чтобы ты поверил, что я поверила. На самом же деле твоя смерть находится на дальнем диком острове в море, где спрятана в сундук, а тот на дереве...

Я сказал с уважением:

– Умная девочка. Откуда ты это знаешь? Впрочем, неважно. Главное, чтобы не делала глупостей. А то твоя неудачная попытка меня зарезать разбудит во мне зверя, и я тебя сожру на месте. С туфлями... Как хорошо пахнет! Похоже, у твоих родителей не так уж много слуг?

Она сразу ошетибилась, лицо напряглось.

– Мой отец умрет с горя!

– Он сам тебя отдал, – напомнил я.

– Его заставили, – сказала она с заблестевшими глазами. –

Сказали, что он нарушил закон, взяв с собой в переход через пустыню женщину. И хотя он брал меня с собой и раньше, но

тогда ты не попадался на дороге, мерзкий монстр!.. А сейчас все решили, что ты послан в наказание за попрание святых законов...

– Каких именно?

Она отмахнулась.

– Всегда можно что-то найти, если нужно.

– Как тебя зовут? – спросил я.

Она вздрогнула, спросила настороженно:

– А тебе зачем?

Я прорычал угрожающе:

– Женщина, откуда в тебе столько вопросов? Имена почему придуманы такими вот умными, как я, драконами? Для удобства. Раз уж я тебя не съем... сегодня, то лучше тебя называть как-то иначе, чем «Эй ты!».

Она проговорила неуверенно:

– Мириам.

– Настоящее имя? – спросил я.

Она огрызнулась:

– А почему нет?

– Да как-то боишься его называть, – заметил я. – Воровка, наверное?.. Тебя не ищут за кражу нижнего белья короля?

Она переспросила:

– Что такое нижнее белье?

Я махнул лапой, когти скрежетнули по полу, оставляя мелкие искорки.

– Господи, опять вопрос... Ладно, пусть будет Мириам.

Все-таки лучше, чем «Эй ты!» и «Женщина!». Вообще-то даже хорошее имя. Древнее и красивое. Ты лопай, лопай!.. Откармливайся. Я худых не люблю. Мы все любим полненьких, хоть на худых и оглядываемся. Ты где вообще-то живешь?

Она снова непонятно почему насторожилась, подобралась, на лице четко проступила враждебность.

– А тебе зачем?

Я шумно вздохнул, по пещере прокатился ветер, а угли из костра разметало по пещере. Мириам сперва отшатнулась в испуге, но когда поняла, что я еще не нападаю, кинулась сгребать угли обратно в кучу, словно вот сейчас вся каменная пещера вспыхнет жарким огнем, и мы все сгорим в жутких корчах и с жалобными криками.

– Женщина, – сказал я со скукой, – ты точно не скрываешься за кражу или другие непотребные, судя по твоему виду, деяния?

– Нет...

– Тогда почему такие вопросы?

– В Иглеазе, – ответила она.

– Это где?

Она махнула рукой:

– В той стороне. Маленький такой городок, даже не городок, а так, поселение, зато на перекрестке дорог перед Большой Пустыней.

Я кивнул, в следующий полет посмотрю, где этот Иглеаз.

Относить эту отважную дочь степей придется глубокой ночью. Правда, есть небольшая, но серьезная загвоздка...

Мириам спросила внезапно:

– А у тебя есть имя?

– Имя? – удивился я. – Есть... А зачем тебе?

– А как к тебе обращаться? Просто дракон? Или ящерица?

Рептиль?..

Я подумал, кивнул:

– Да, конечно. Зови меня Шумилом. Это... подходит.

Она чуточку улыбнулась.

– Ну вот и хорошо. Шумил – вполне для крупного рептиля. Итак, Шумил, что ты планируешь дальше?

Я подумал, почесал голову.

– Ну, раз мы с тобой договорились пока не есть тебя...

– ...а сперва откормить, – подхватила она, видя, что я запнулся, – вы, рептилии, как и все мужчины, предпочитаете упитанных, хоть и засматриваетесь на худеньких, то ты будешь мне носить много хорошей еды...

– ...пока ты не сбежишь, – прервал я. – Думаешь, не понимаю? Нет уж, никуда ты не сбежишь... Даже если бы могла.

Она вскинула голову и посмотрела мне в страшные глаза прямо и с вызовом.

– Почему?

– Люди побоятся тебя принять обратно, – сказал я. – Логика проста: лучше отдать тебя одну, чем следом явится разгневанный дракон и сожрет всех, а остальных просто убьет,

разорвет, сожжет...

Она слабо пискнула:

– Разве ты обманут? Ты сам меня не съел.

– Сразу, – уточнил я. – Не съел сразу. Но вообще мы договорились съесть тебя чуть позже. Откормленную. А если сбежишь, люди испугаются, что дракон явится мстить.

Она помолчала, затем я услышал тяжелый вздох.

– Гадкая ты рептилия... но людей знаешь. Они такие. Схватят, свяжут и снова отдадут тебе. На муки.

– Какие муки? – возразил я. – Я тебя сразу же и съем. Даже худую.

– Подавишься, – буркнула она.

– Проверим? – предложил я.

В ответ она швырнула через щель в меня увесистым камнем.

– Сильная женщина, – сказал я с одобрением.

– А ты гад чешуйчатый!

– Да, – согласился я горделиво и выгнул шею, чтобы полюбоваться на свое великолепное тело с высоким, блестящим алмазными иглами гребнем, ровными плитками брони на спине, переходящей в крупную чешую на боках и мелкую – на брюхе. – Ты молодец, все время восторгаешься, какой я замечательный красавец. Я это люблю.

Она озадаченно промолчала.

Итак, зовут ее Мириам, она единственная дочь провод-

ника караванов. Он уже сорок лет водит их через пустыни, прямо Моисей, но вчера случилось страшное: были потеряны два бурдюка с водой, что вообще-то пустяки, но когда у единственного на всем пути родника расположился огромный дракон, все поняли, что погибнут, если повернут назад, но так же погибнут, если попытаются достичь ближайшего, но вообще-то далекого города, с их ничтожными запасами воды.

– Богатые караванщики, – сказала она потухшим голосом, – во всем обвинили моего отца.

– У сильного всегда бессильный виноват, – сказал я, почесал голову и сказал гордо: – Сам придумал. Ну, почти. Здесь.

Она сказала потерянно:

– Как будто он мог знать, что на дороге вдруг появится дракон!

– Красавец и умница, – вставил я. – И в знак дикого восторга мне подарили тебя. Это же так понятно!

Она бросила на меня злой взгляд.

– Что ты за...

– Не отвлекайся, – сказал я благожелательно, – потом расскажешь, какой я замечательный. Что было дальше?

Она тяжело вздохнула.

– Отец оправдывался, как мог, но они велели схватить меня и отдать чудовищу... в надежде, что тот взамен даст приблизиться к воде. Так и получилось. Думаю, они счастливы. Но отец мой может не пережить такого тяжкого горя...

Я ощутил сильнейший укол совести, о таком повороте как-то не думал.

– А чего ты потащилась с отцом? – спросил я грубо. – Это неженское дело.

Она пожала плечами:

– У бедных многое из неженского становится женским. Я сильная, отцу была нужна моя помощь. Да и сама не люблю сидеть на месте.

– Это заметно, – проворчал я.

Она вскинула брови.

– Что?

– Что не любишь сидеть дома, – пояснил я, – и ждать, когда тебя кто-то возьмет замуж. Но что делать, мир таков. Женщина должна сидеть дома и сопеть в тряпочку.

Она возразила с негодованием:

– Я не такая!

– Да вижу, вижу... Не трудно в мужском мире?

Она с самым независимым видом покачала головой.

– Зато интересно. Я не люблю сидеть сложа руки. А у мужчин всегда есть работа, есть занятия.

Она сидела ровно, спина прямая, взгляд гордый, уже позабыв, что я и есть то самое чудовище, нельзя все время жить в страхе, хотя некоторые люди живут, но такие и живут недолго, и существование их назвать жизнью трудно.

– Отважная ты, – признал я. – Вылезай, что мы разговариваем через порог?

– А что, у драконов это плохая примета?

– Мы в приметы не верим, – сообщил я. Подумал, уточнил: – Приметы – для слабых.

Она посмотрела с удивлением, покачала головой.

– У людей тоже только слабые верят в приметы... А ты откуда такое знаешь?

Я широко зевнув, показав огромную пасть и длинные, как ножи, острые зубы.

– Да как-то сожрал одного... – сообщил я небрежно, – философа. Теперь вот маюсь.

Она зябко поежилась.

– Ужасно. Но так можно стать самым умным на свете!

Я прорычал недовольно:

– Вот-вот. А кому это надо? От ума одно горе и много неприятностей. Потому стараюсь мужчин не жрать, вдруг попадется умный? Другое дело – женщины. Все дуры, это хорошо. К тому же дуры вкуснее.

Она подумала, сказала решительно:

– Вообще-то я умная.

– Не брешь, – сказал я равнодушно.

– Почему это я вру?

– Красивая, – сказал я.

Она удивленно вскинула брови.

– Ну и что?

– Значит, – объяснил я, – дура. У вас либо умная, либо красивая. А раз красивая...

Она посмотрела на меня с недоверием.

– Я?.. Никто мне такого не говорил.

– Я говорю.

Она некоторое время смотрела на мою морду, в мои ящеричьи глаза, наконец взгляд ее потух.

– Да, – проговорила она надломленным голосом, – если на взгляд рептилии с крыльями, то да, наверное...

Я зевнул и сказал с удовлетворением:

– Ну вот и доказательство, что дура. Только круглая, просто круглейшая дура не видит, что ты красивая... так что давай откармливайся побыстрее. Скоро есть тебя будем.

Она умолкла, глядя на меня озадаченно, а я снова закрыл глаза. Плечи все еще ноют, это от повторных сетов полета выделяется молочная кислота. Мышцы растут и укрепляются, но растут не во время тренировки, как думают дураки, а во время отдыха, так что я лежал, прислушиваясь к блаженному ощущению ремонта во всем теле, когда крохотные бригады укрепляют мышцы и сухожилия, смазывают суставы, расширяют каналы связи по нервам.

Расположился я далеко от входа в ее каморку, ленивый и расслабленный, глаза прикрыл, вроде бы дремлю, и она решилась выдвинуться на пару шагов, чтобы сгрести выкатившиеся из костра крупные угли обратно. Я этого момента дождался долго и терпеливо: кончик моего хвоста бесшумно уперся в огромную глыбу камня вблизи входа в ее норку, та заскрипела просто предательски и поползла медленно, как

королева на эшафот.

Мириам в страхе оглянулась, но камень уже передвинулся и наглухо перекрыл ей вход в убежище. Она застыла в страхе, разом поняв мое коварство и свою беспечность.

## Глава 8

Я лениво открыл оба глаза, поднял голову, зевнул, снова показав красивую пасть и просто прекрасные длинные зубы, огромные и длинные, как лучшие в мире кинжалы.

– Что? – спросил я с драконьим удивлением. – А-а-а... понял-понял. Извини, это нечаянно... Сама знаешь, как это бывает: глаза боятся, а руки делают...

Она промолчала, справедливо предполагая, что у подлого дракона подлая драконья игра, нечестная и коварная. Я поднялся и, медленно шагая на всех четырех, все еще сонный и расслабленный, подошел к ней. Она вскинула голову и, не пытаясь бежать, бесполезно, взглянула мне в огромные драконьи глазища гордо и бесстрашно.

Я смотрел мимо, лапой легко отодвинул камень на прежнее место.

– Ты хотела, – прогрохотал я, смягчая голос, – в норку?

Она медленно, очень медленно повернула голову. Боковым взглядом увидела, что вход открыт, но все еще страшилась двигаться, с моей стороны такое может быть жестокой игрой, вот прямо сейчас схвачу...

Я попятился, она неверящим взглядом наблюдала, как я отступил на шаг, на два, на три, а каждый мой шаг равен ее пяти, потом и вовсе лег, свернувшись в клубок. Ну, как мог.

Она с легким вскриком метнулась в спасительное убежище.

ще, прижалась там к стене. Я слышал, как что-то выкрикивает, явно называет себя душой, что так увлеклась, и как хорошо, что дракон еще больший дурак, просто редкостный...

– Ну и сиди там, – буркнул я. – Обещаю туда не... лезть.

– Спасибо, – проговорила она с трудом.

– Хотя мог бы, – сказал я на всякий случай, женщины дуры, им нужно все объяснять подробно, – думаешь, я тебя там не достал бы?

Она заметно побледнела, спросила слабо:

– К-к-ак?

Я прорычал:

– Да вот так...

Она застыла, когда я просунул в щель лапу. До противоположной стены, правда, не достал, но это потому, что все четыре у меня короткие и мощные. Я сделал усилие, сосредоточился, снова надулся, заставляя кровотоки понести питательные вещества и все, что нужно, в зависшую в воздухе лапу.

Добавил я ей длины чуть-чуть, но этого хватило, когти поскрипели по стене, посыпалась крошка.

Тут же раздался женский вопль:

– Не надо!

Я задержал лапу в воздухе.

– Теперь веришь?

– Да!

Я осторожно, чтобы не задеть женщину, вытащил лапу об-

ратно. Она зудела и чесалась от быстрой трансформации, тем более что я тут же велел организму прекратить это безобразие и выровнять все четыре по стандарту.

Когда я снова лег посреди пещеры, Мириам осторожно выглянула. На ее лице ясно читалась злость, но не на меня, а на себя, что промахнулась, думая, что там в относительной безопасности.

– Но я все-таки останусь здесь, – проговорила она дрожащим голосом, – хорошо?

– Хорошо, – согласился я благодушно. – Мелким животным необходимо... гм... личное пространство.

Она продолжала выглядывать из пещерки, на лице непонимание, переспросила:

– Что-что?

– Личное пространство, – пояснил я важно. – Каждый мелкий зверек должен иметь и свое личное пространство, поняла? В любой клетке, тесной или просторной, вы чувствуете себя незащищенными. Нам время от времени приходится за вами чистить и убирать мусор, а бедные пташки с ума сходят, порхая всюду и бросаясь на прутья! Дуры, как все женщины. Но если там же в клетке сделать еще одну крохотную клеточку, пусть как раз по размерам птички или мыши, вы будете спокойно смотреть на руку, что чистит мусор прямо возле вашего носика или клювика и преспокойно ждете, когда уберемся из клетки вообще.

Она слушала внимательно, но с растущим удивлением на

лице.

– Странный ты дракон, – сказала она с непонятым выражением, в котором я уловил и оттенок презрения. – Откуда такое знаешь?.. Ах да, еще одного умного съел...

– Увы, – согласился я горестно. – Теперь вот то о звездах думаю, то о тайнах материи... Не знаешь, что это такое?

– Не знаю, – ответила она настороженно. – Какие у материи могут быть тайны? Крои да шей...

Я вздохнул.

– Ну вот, знаешь. А он не знал... А еще мудрец!

Она спросила внезапно:

– А ты откуда взялся?

Я ответил удивленно:

– Странный вопрос... Как и все на свете – из яйца. Правда, люди появляются совсем не из яйца, хотя вообще-то, если посмотреть шире...

Она быстро прервала:

– Я имею в виду, раньше в наших краях говорящих драконов не было. Так, летают всякие, но тупые, как и все мужчины.

Глаза ее начали хитро поблескивать, голос стал предельно дружелюбным. Ага, вот прям щас и скажу, на каком острове растет тот дуб с сундуком в ветвях, где бережно хранится моя жизнь в зайце.

– Издалека, – ответил я скромно. – Прямо от трона моего повелителя. Вот так взял и припорхал.

– А кто твой повелитель?

– Могучий и свирепый повелитель всех драконов на свете, – ответил я с почтением и поклонился, стукнувшись лбом о каменный пол. – Кто дает и берет, наделяет и отбирает, жалует и разжалует... Да так, что мало не покажется.

Она зябко передернула плечами.

– Ужас...

– Почему?

– Оказывается, – объяснила она с вызовом, – есть и страшнее тебя? Никогда бы не подумала.

– Я не страшный, – возразил я. – Я вообще-то красавец. И умница. И у меня хороший аппетит, кстати... Вот когда начнем тебя неспешно так это кушать...

Она сердито сверкнула глазами.

– Напугать стараешься? Напрасно.

– Ты такая бесстрашная?

Она тряхнула головой, волосы красивым водопадом рассыпались по плечам.

– При чем тут бесстрашие? Я раньше просто-напросто брошусь с обрыва в бездну!

Я изумился:

– В какую?

Она указала пальцем:

– Вон туда!

– Там внизу песок, – сказал я злорадно. – Мягкий.

– Для людей он твердый, – сказала она и уточнила: – Если

с такой высоты.

Я подумал, кивнул:

– Да, ты права. С такой высоты, пожалуй, прическу испортишь. Однако мы, небесные драконы, наделены великой мудростью. А она подсказывает, что не бросишься...

Она сказала с вызовом:

– Да? Хочешь увидеть?

Она гордо вскинула голову и шагнула в сторону зияющего зева пещеры. Я поспешно покачал головой:

– Нет-нет, в тебе дурасти хватит. Не сомневаюсь. Не зря же рыжая, а глаза серые – дивное сочетание. Женщины любят делать все назло и наперекор, потому у нас, драконов, есть поговорка: посоветуйся с женщиной и поступи наоборот. Но я сомневаюсь, что бросишься... без особой необходимости. В тебе слишком много жизненной силы, чтобы ты поступила так... глуповато. Мне кажется, будешь бороться до последнего вздоха. А если и прыгнешь, то не раньше, чем перепробуешь все способы известить меня, содрать шкуру и продать кости на свистульки.

Она смотрела с тем же вызовом, но теперь уже и удивлением.

– А ты в самом деле... не совсем дурак.

– Ты тоже, – ответил я тем же комплиментом и добавил коварно: – Хоть и красивая. Расскажи о своей стране!

– Что тебя интересует?

– Да все, – ответил я. – Мир людей... такой забавный.

Конечно, она не рассказывала, хотя, наверное, могла поведать немало о проходимости дорог, переправ, укреплениях, количестве воинов в том или ином племени, а я не задавал наводящие вопросы, все равно узнаю днем раньше, днем позже, я слушал ее и невольно поддался жестокому очарованию древних легенд, преданий, бывальщин. Пусть половина – чистейшая выдумка, но и те не возникают на пустом месте. На этой земле возникали и рушились великие королевства, империи, создавались союзы, гремели ужасающие войны, в которых маги поджигали воздух, а с другой – такие же умельцы жгли саму землю, и войска отступали, оставляя между собой выжженное поле с костями тех, кто не успел убраться.

О королевстве Сен-Мари почти не вспоминала, а когда упомянула пару раз мимоходом, то почему-то упорно называла его страной Орифламме, и создавалось впечатление, что это нечто мелкое, расположенное на заднем дворе великого и могущественного Гандерсгейма.

Здесь из руин городов поднимаются великанские тени древних королей, каждое полнолуние гремит призрачная сталь, войска павших сражаются с прежней же яростью и неистовством, и только третий крик петуха заставляет их уйти снова под землю. Появляются оборотни – потомки тех, кто умер непогребенным, а таких после сражений бывало много. После гибели магов на свободе оказались чудовища, что разоряют села и грозят бедами даже крупным городам.

В трудные времена рождались великие герои, подвижни-

ки, я слушал внимательно, но и здесь ценится то, что и везде: честь, отвага, верность, преданность, самопожертвование, защита слабых, готовность отдать все силы обществу... Человек в трудное время везде остается человеком, будь он варвар или христианин. Только богатство и роскошь развращают и превращают нас в животных.

Я смотрел, как она неспешно с врожденной деликатностью срезает кусочки мяса и ест, даже кушает, хотя могла бы просто вгрызться, держа кус обеими руками, но эта дочь проводника караванов и здесь соблюдает манеры. И спину держит прямой, эдакая дочь степей, что не дрогнула и перед ужасным драконом. Хотя, конечно, сперва немножко трусила, но потом да, молодец, хотя никто и не видит ее отваги, но сама себя видит, а для таких отважных достаточно и самоуважения.

Испуганно замерла, когда я поднялся, однако я лишь проворчал:

- Лопай, не отвлекайся... Жуй хорошо.
- Что? – спросила она непонимающе.
- А то подавишься, – сказал я благожелательно.

Узкая щель во вторую нору чем-то тревожит, я присмотрелся и понял, что за стеной еще пещера, а эти камни кто-то нагромоздил намеренно, закрывая вход.

Мириам настороженно следила, как вынимаю самые крупные глыбы и осторожно роняю справа и слева, стараясь, чтобы не раскатывались далеко. Щель стала шире, я навалился

всем весом, ветхие камни справа и слева затрещали и рухнули.

Я с удовольствием повел укрытыми за бронированными крепкой чешуей плечами, крепкий я зверюка, вдвинулся в пещерку. Темно, сумрачно, но дальше сверху падает рассеянный свет: свод в каком-то месте треснул, и солнечные лучи, многократно отражаясь о изломы и теряя силу, все же обозначили время суток.

Под ногами камни, но под дальней стеной груды того, чего я меньше всего ожидал: золотые кувшины, широкие подносы из золота и обрамленные драгоценными камнями кубки из серебра. В самом углу два больших сундука и три объемных ларца.

Уже предполагая, что увижу, я зацепил когтем и начал откидывать все крышки, но все равно раскрыл пасть в безмерном удивлении. Еще не видел таких огромных залежей золотых монет, колец, сережек, браслетов, ожерелий и прочей украшательной хрени...

– Эй, – позвал я. – Женщина!..

Из оставленной пещеры донесся дрожащий, но все равно негодующий голосок:

– Чего тебе, рептиль?

– У меня для тебя кое-что есть! – сообщил я весело.

– Подавись им, – ответила она почему-то грубо, – тоже мне, гад чешуйчатый, а туда же!

– Дура, – сказал я и, ломая голову над внезапной агрессив-

ностью, повернулся в тесной комнате и выбрался в большую пещеру к костру. – Сама козу сожрала или и мне оставила?

– А тебе бы только жрать? – спросила она без вызова, но ехидно.

– Грубая ты, – укорил я. – Брала бы пример с меня. Я же сама нежность, ласка.

– А кто съест меня собирается?

Я изумился:

– А это при чем? Я же буду есть тебя нежно, ласково, с манерами!.. Ты одно с другим не путай. Правда, ты в своей красивой голове две мысли разом удержать не можешь, увы.

Она бросила мне тушу козы.

– Жри!

– Грубая ты, – укорил я. – К тому же лучшее мясо срезала.

Она изумилась:

– А ты в нем разбираешься? Для тебя эту козу проглотить, что мне воробышка съест!..

Я вздохнул и, прихватив козу, выбрался из пещеры, где на свежем воздухе и принялся жевать испеченную млекопитающую прямо с косточками.

– Женщина, – промычал я с набитым ртом, – так чего ты побоялась заглянуть со мной в тот укромный уголок?

Она огрызнулась из пещеры:

– Вы все, мужчины, только и думаете...

– Только и думаем, – согласился я. – Зато вы совсем не думаете. Да и зачем, когда такие роскошные волосы? Как огонь

в ночи, не могу оторвать взгляда... Красивая ты, Мириам.  
Хоть и злобная.

Она огрызнулась еще злее:

– Ты мне зубы не заговаривай, гад подколодный!

Я подумал, спросил с интересом:

– Где такая колода, под которой могу поместиться?

– Ты жил под корягой, – объяснила она со злорадством, – пока не вырос! Почему я тебя тогда не встретила?

Я держал ее взглядом, она уже остороженько вышла из пещеры и тихохонько присела в сторонке, стараясь держаться на одинаково безопасном расстоянии и от края пропасти, и от меня.

– И что бы сделала? – спросил я. – Сразу бы прибила? Маленькую жалобную рептилию?

– Ты не рептилия, – ответила она рассерженно, – а рептиль!..

– А какая разница?

– Рептилия, – сказала она рассудительно, – это рептилия. А ты – рептиль! Гад то есть. Мужчина. От вас все беды.

– И как ты рассмотрела так сразу? – удивился я. – Еще издали... Вроде бы я держался скромно, ничего не выпячивал, ничего такого предложить не успел... даже не думал, честно...

Она перебила быстро:

– Вас издали видно по мордам наглým, по глазкам блудливым, по плечам в стороны, а еще смотрите так это... бес-

стыдники, тьфу на вас, так что все вы – рептили, и неважно, камзол на плечах или чешуя!

Я пробормотал:

– Гм, исчерпывающая характеристика. Точная, выверенная в словах и терминах, четкая жизненная позиция. Устойчивая, как вырезанная из камня. Видать, кто-то тебя здорово обидел, если для тебя все мужчины – рептили.

Она поперхнулась, зыркнула злобно и, вскинув голову, принялась рассматривать багровеющие облака в странно прозрачном небе.

## Глава 9

Я доел козу, в самом деле мне на один зуб, поколебался, глядя на женщину, ну да ладно, была не была, надо все пробовать, сосредоточился, начал представлять яркие картинки и запомнившиеся ощущения...

Она спросила с подозрением:

– Ты чего надулся? Смотри не лопни.

– Умолкни, женщина, – просипел я. – Дай сосредоточиться...

– На чем?

– Да помолчи же...

– Ну ладно, – ответила она независимо, – могу и помолчать. Ты только скажи, чего ты весь раздулся? Живот болит? У моего коня как-то были колики, я его спасла... ну, ты знаешь, если умный такой, как их спасают...

– Меня так спасать не надо, – твердо сказал я, – хотя за предложение спасибо.

Она вскочила, глаза метали молнии.

– Вот еще! Я вовсе не собиралась тебя спасать таким же образом!

– Жаль, – просипел я задушенно, – жаль...

В воздухе сгустился ком, на каменный пол шлепнулась большая головка сыра. Мириам ахнула и отпрыгнула, я продолжал тужиться, медленно появились упакованные в плен-

ку и тонко нарезанные ломтики ветчины, карбоната, шейки, а в довершение я создал сладости и две чашки с горячим кофе.

Она смотрела, застыв в страхе, а я запоздало подумал, что хоть в личине дракона эта способность сохранилась, однако лапы у меня не того, даже чашку не удержат...

– Ну че, – сказал я, – глазки вытарасила? Я понимаю, коза вкуснее, к тому же ты трудилась, шкуру снимала, мясо резала, жарила, вон как вспотела, но... и такое вот есть можно. Давай, пробуй! Мы же с тобой откармливаем тебя? Вот и давай.

Она покачала головой, я неуклюже поддевал когтями мясо и сыр, все отправлял в пасть. Когда почти ничего не осталось, создал еще, но, мне кажется, на это уходит больше калорий, чем получаю, так что если буду создавать еду и есть, скоро околею от голода.

Мириам наконец разжала плотно стиснутые губы.

– Как ты это делаешь?

Я ответил удивленно:

– Как все. А ты разве делаешь не так?

Она покачала головой.

– Мы так не умеем.

– Бедные существа, – сказал я сочувствующе. – Это же так просто... Может, попробуешь?

Она снова покачала головой.

– Даже пытаться не буду.

– Ладно, – сказал я с глубоким сочувствием, – бери, ешь.

Она спросила нерешительно:

– Может быть, это еда драконов? А люди от нее мрут?

– Проверь, – предложил я. Она смотрела задумчиво, колебалась, я сжалился и пояснил: – Да не околеешь, говорю! Я еще цел, видишь? А ем это вот часто. Тебе ничего не будет, ты же человек! А человек – это такая тварь, все жреть, ни одна свинья не станет... Не трусь, ты же рыжая!

Я исхитрился взять чашку с кофе, как раз хватило капнуть на язык, натужился и создал большую глиняную миску. Мириам вздрогнула, когда та наполнилась темно-коричневой жидкостью, но я не обращал на женщину внимания, тут удержать бы миску, не пролить на себя, а запах крепкого кофе сводит с ума...

Когда наконец поднял взгляд на Мириам, она опасливо жевала тонкий ломтик изысканного карбоната, но держала так, чтобы сразу отбросить, если тот вдруг вцепится ей в губу.

– Кофе будешь? – спросил я.

Она поняла по моему взгляду, о чем я, затрясла головой.

– Ни за что!

– Почему?

– Это для драконов!

– Вообще-то да, – согласился я. – Стоит выпить пару мисок, сразу драконом себя чувствуешь.

Я не торопил и не мешал, положившись на извечное любопытство женщины, Мириам при всей осторожности перепробовала все, кроме кофе, а нежнейший сыр, создаваемый уж не знаю по какой технологии, жевала с таким наслаждением, что закрывала глаза и нежно плямкала влажными губами.

Вечерний воздух теплый, густой и сочный, я надеялся с этой великолепной площадки полюбоваться величественным закатом, но небо затянуто какой-то мутной дрянью вместо облаков, солнце беспомощно утопает, как в болоте. Затем и вовсе его закрыло грязно-серым занавесом, я угадывал местоположение светила лишь по багровому пятну, что сползает к горизонту.

Внизу пролегла глубокая тень, но крохотные огоньки проступают сквозь густеющую тьму, и легко подумать, что тысячи и тысячи всадников скачут по степи, держа в руках горящие факелы...

Мириам, закончив с трапезой, деликатно облизала пальцы, тихонько вздохнула.

– Рад, что тебе понравилось, – сказал я.

Она смотрела на меня неотрывно, в ее огромных серых глазищах возникало и гасло странное выражение. Я ощутил некоторую неловкость.

– Че тарацишь глазки? Они у тебя просто дивные... Никогда не видел таких крупных.

Она вздрогнула, возвращаясь в этот неустроенный мир.

– Да так... Все никак не могу привыкнуть, что ты разговариваешь. Да еще так красиво.

– Я? – удивился я. – Красиво?.. Был бы я человеком – обиделся. Все ваши самцы предпочитают говорить коротко и грубо. Так вы вроде бы сильнее. А мы, драконы, да... говорим красиво. Мы даже петь умеем? Хочешь, спою?

Она вздрогнула, отшатнулась.

– Нет-нет!

Я сказал великодушно:

– А то смотри, я добрый. Стоит меня только попросить. Спою, еще как спою. А если после сытного обеда, так вообще...

Она сказала со слабой улыбкой:

– Постараюсь не кормить тебя досыта.

– Что ты за женщина? – спросил я с укором. – Все женщины всегда стараются накормить мужчин досыта. Мы тогда глупеем, из нас можно веревки вить.

Она пробормотала:

– Никогда не думала, что драконы такие... Интересно, каким бы ты был человеком...

Я в ужасе отшатнулся.

– Не пугай меня так!

Она улыбнулась.

– Даже подумать о таком страшишься?

– Конечно, – сказал я убежденно, – люди уродливы, а драконы – прекрасны. Посмотри, какая у меня спина с греб-

нем... А лапы с перепонками? А пузо блестящее и чистенькое? А... гм... в общем, я – само совершенство. На мне вообще нет отвратительной шерсти!

Она произнесла угрюмо, почти подавленная или хотя бы поколебленная такой убедительной аргументацией:

– Шерсть... не такая уж и отвратительная.

– Не отвратительная?

– Смотря где, – уточнила она. – Разве тебе не нравятся мои волосы?

Я посмотрел оценивающе, поцокал языком.

– Ну, как тебе сказать... Если для человека, то терпимо и даже прекрасно, но вообще-то красивее было бы заменить эту гриву чешуей. Представляешь, крупная... или мелкая, это по вкусу, золотистая чешуя, блестящая на солнце, как жар!.. А можно делать зеленой, красной и даже синей. Любого цвета. А это для женщин так важно, меняться...

Она посмотрела на меня исподлобья.

– Но не настолько же! Я не представляю себя рептилией.

Я вздохнул.

– Да, людям трудно представить себе такое совершенство.

В вечернем воздухе начинают летать светящиеся мушки, жучки и бабочки, пошла узкая полоса странной живности, что не дневная, но и не ночная, а так, ухитрившаяся занять это короткое время и вытеснить из него как дневных, так и ночных.

Я уже знаю, что если взлететь и держать курс вот на ту

гору на горизонте, то дальше будет широкая река, через которую я так и не увидел моста, но и брода не заметил, а его легко отыскать с высоты драконьего полета по протоптанным дорогам на противоположных берегах. За рекой, словно спрятавшись за нею, долина с роскошной зеленью, богатые сады, оливковые рощи, несколько городов, расположенных непривычно близко один к другому, снова сады, виноградники, поля под посевами...

Я придвинулся и сел у самого края, так шире обзор, прикидывал, в каком направлении полечу завтра, чтобы увидеть и запечатлеть в памяти нужных сведений побольше.

Сбоку зашелестело, Мириам тихохонько подошла, я видел, как она колеблется, но пересилила себя и села почти рядом.

– Молодец, – проворчал я как можно тише.

Она спросила настороженно:

– Ты о чем?

– Ты молодец, – пояснил я снисходительно. – За все время никакого женского визга, никаких истерик... А я в самом деле хищник.

Она ответила с некоторым напряжением в голосе:

– Не знаю, но чувствую, что не сожрешь... вот так сразу. Может быть, вообще не собираешься есть, только пугаешь. Во всяком случае, я боюсь и... не боюсь.

Я попробовал усмехнуться, не получилось, только зубы стали виднее. Мириам поглядывала искоса, я проговорил

неторопливо:

– Вон в ту сторону я еще не летал... Там что-нибудь интересное?

Она пожала плечами:

– Кому как.

– Но не для тебя?

Она снова пожала плечами:

– Мы водили караваны и там. Дороги хорошие, если обходить пески Огня и Каменные топи. Живут там вроде бы аярги и пелоненги, а также устагонги...

– Вроде бы?

Она кивнула.

– Все кочуют. Родственные им племена уже осели, а эти свято хранят традиции отцов. Но кочевать все труднее, оседлые не пускают на свои земли. У них войны почти не останавливаются...

Я сказал сочувствующе:

– Не горюй.

Она фыркнула:

– А мне горевать с чего? Да пусть поубивают друг друга!

Это же корни проклятого племени жувалов!

– А что это?

– Неверные, – пояснила она. – У одних бог Кракацорк, у других Смигелиус, а на самом деле мир создал Водяной Дух Шушун и заполнил его множеством озер с чистой холодной водой и реками, где берега из золотого песка... Но потом

разгневался на людей и превратил мир в пустыню! И только глядя на подвиги отдельных героев, Водный Дух творит иногда реки, озера, родники.

– Да, – согласился я, – подвиги нужно чем-то стимулировать. А что там еще, кроме аягров и пелоненгов?

Она подумала, сказала нерешительно:

– Там в центре пустыни живет великий маг и мудрец Мидург. Но все знают об этом и потому прокладывают дороги в обход. Он знает все на свете. Но не любит людей, потому и ушел в пески. А всем, кто приходит, предлагает задать ему вопрос, ответа на который он не знает. Если человек такого сделать не в состоянии, то...

Она умолкла, в глазах метнулся страх. Выждав, я спросил осторожно:

– Что с такими?

– Не знаю, – ответила она тихо. – Но оттуда никто еще не вернулся. Почти никто.

– А если кто-то задаст такой вопрос?

Она вздохнула.

– Тогда выполнит любое желание. Мощь великого Мидурга просто неопишима. Может поднимать горы и обрушивать в моря, опустить небо или заставить течь вспять реки...

– Немало, – пробормотал я. – И что, годится любой вопрос? Он может ответить, каким пальцем я показываю ему фигу за спиной?

Она засмеялась.

– Хотя никто до такого не додумался... но вряд ли это его заинтересует.

– Гм, – сказал я задумчиво, – значит, он может подсказать, как завоевать мир?

Она расхохоталась еще звонче.

– Он и сам может для тебя его завоевать, если сумеешь ему понравиться.

Она умолкла, в ее серых глазах странно отражается багровое пламя небесного заката. Ветер немного разогнал тучи, на щеки пал сиреневый оттенок, красные волосы стали цвета мореного дуба.

Что такое профессиональный маг, проползла вялая мысль. Это человек, который спрятался от жизни. Сперва увидел, что умеет и знает больше, чем эти люди, потом с тоской понял, что эти люди ничего больше знать и не хотят, им непонятна его неистовая страсть к знаниям... и в конце концов ушел от этих никчемных людишек в эмпиреи, башню из слоновой кости, или, как ее ни называй, но в любом случае – от людей ушел.

И вот, отгородившись от них лишь вершинами заснеженных гор, либо морями, либо жаркими пустынями, они совершенствовались в своих поисках, копили мощь, собирали и умножали знания. Кому повезло, те сумели продлить себе жизни, что в свою очередь позволило проникнуть еще глубже в тайны Древних, а это дало кому-то очень долгую жизнь, а кому-то и бесконечно долгую, которую может пре-

рвать только насильственная смерть.

В конце концов, каждый из таких магов строил себе неприступную башню, потому что беспокойные людишки ухитряются забираться и на неприступные горы, пересекают убийственные пустыни и бороздят моря в поисках островов с сокровищами. В башне же можно спокойно предаваться своим любимым занятиям, совершенно не беспокоясь о том, что кто-то сумеет потревожить.

– Давай спать, – сказал я. – Ночь коротка, завтра нужно сделать многое.

Она удивилась:

– Сделать? Ты же дракон!

– Ну и что?

– Драконы ничего не делают, – сказала она рассудительно.

И добавила со знанием дела: – Только рушат, ломают, жгут и... бесчинствуют.

– Бесчинствуют, – повторил я с удовольствием. – Вообще-то хорошая жизнь, если поглядеть, у нас, драконов.

## Глава 10

Я похрапывал в большой пещере, Мириам спряталась в малой каморке, объяснив оттуда, что там ей спокойнее, не сожру спросонья. Я не спорил, огромное тело вопит об отдыхе, и заснул я так крепко, что если бы Мириам вздумала пилить мне толстую шею ножом, вряд ли проснулся бы.

Всю ночь обустроивал Сен-Мари, а когда заканчивал, оказывалось, что это вообще Орифламме, а то и вовсе непонятное Арндское королевство с масонской структурой верхушки, и все надо начинать сначала, лапы все еще ноют от строительства светлого общества, что почему-то все равно темное, а настроение мрачнее некуда.

Каменный пол стал красным, я посмотрел с недоумением на стены, потом на подгибающихся со сна лапах выбрел наружу. Мир заполнен сладким утренним паром, что удивительно в пустыне, на востоке поднимается алый шар, заливая мир трепещущим розовым светом.

От входа тянет приятным ароматом жареного мяса, я буркнул хрипло:

– Доброе утро, Мириам.

Она оглянулась и ответила холодно:

– От такого доброго утра можно с уступа вниз головой. Ты что, хвост прищемил?

– Это был не хвост, – ответил я автоматически. – Завтрак

готов?

– Нет, – ответила она, – тут только жареное... Но тебе же надо сырое, с кровью, шкурой, рогами и копытами?

– Ты сама с рогами и копытами, – ответил я обидчиво. – И еще женщина с волосами.

Она подумала, сказала сердито:

– Просто женщина. Глупое уточнение. Как будто женщина может быть без волос!

Я ответил мирно:

– Ты права, но с таким уточнением лучше. Сразу как начинаешь думать, что женщина... и вдруг с волосами...

– И что?

– Да такого напридумываешь...

– Например?

– Ну, волосы могут быть и на ногах, к примеру...

Она вытянула вперед ногу и повертела носком вправо-влево. Никаких волос!

– А если не выщипывать? – любопытствовал я.

Мириам зашипела, как толстая кошка на раскаленной сковороде. Я дотянулся до вертела и снял большой кусок мяса. Мириам настороженно смотрела, как я управляюсь когтистыми лапами.

– Ты, наверное, цирковой дракон? – предположила она.

– Почему?

– Больше нежный. Наверное, драться совсем не умеешь.

– А зачем драться? – спросил я. – Нужно жить в друж-

бе и согласии. Я вот, например, со всеми всегда в дружбе и согласии. Куда ни появлюсь – сразу мир и согласие. Ладно, ты здесь убери квартиру... а я полечу по своим мужским... драконьим делам.

И, не дожидаясь ответа, я толкнулся всеми четырьмя, почти отдохнувшими за ночь. Крылья с готовностью уперлись в упругий воздух, поднялись наискось и снова уперлись, уже повыше.

Далеко внизу мчится стадо газелей, я сделал короткий нырок, протянутые вперед лапы подхватили по козе, я хвастливо поднялся без всякой натуги по крутой дуге, с размаха бросил их на площадку перед пещерой и крикнул:

– Это тебе, чтоб не скучала!

– Лети-лети, жаба с крыльями, – сказала она с угрозой. – Не стукнись о небосвод, разиня.

С утра крылья держат мое грузное тело легко и даже с удовольствием. Воздух чист и свеж, дороги отсюда выглядят длинными белыми нитями, а речушки – серыми. Земля то ярко-зеленая, то желтая, без всякого перехода, потом вдруг пошла кроваво-красная с неприятным зловещим оттенком. Я даже снизился, тревожно заинтересованный, пока не рассмотрел просто-напросто глину, высохшую, потрескавшуюся, так и не позволившую ревниво траве пустить корни в ее владениях.

Большая пустыня, как я понял, не такая уж и большая, как считает Мириам, если судить по размерам, но здесь на-

кален песок от непонятного подземного жара, воздух сушит горло и легкие, воды набирать следует с большим запасом: ухитряется испаряться не только из тел, но даже из плотно закрытых бурдюков. Потому через пустыню нужно идти еще и очень быстро, пока вода не иссякнет сама по себе.

В остальном же Гандерсгейм населен удивительно плотно, что и радостно, и в то же время тревожно. Я еще не повидал его дальнюю часть, но уже народу здесь почти столько, как в самом Сен-Мари. А я ожидал пустынный край с редкими кочевыми племенами...

Пошли финиковые пальмы, а за ними сразу за песчаными барханами открылось безграничное море. Это уже не интересно, на берегу всего лишь мелкие рыбацкие поселки, хотя во множестве, но все крайне бедные с виду. Это и понятно, пираты свирепствуют всюду, глупо строить город, который будут постоянно грабить...

Я свернул и некоторое время летел вдоль берега, потом еще чуть изменил курс, там города стали попадаться чаще, странное сочетание, когда вижу типичный средневековый город с его неременной высокой каменной стеной и замками, а за его пределами настоящие дикие орды гуннов, что постоянно двигаются с места на место, дерутся между собой, разбивают временные стойбища из сотен неопрятных шатров, сшитых из плохо выделанных шкур, потом снова без всякого повода снимаются, чтобы вторгнуться на земли другого племени и проверить его на прочность.

Мелькнула мысль, что неплохо бы достать лист бумаги или пергамента и стило, постепенно составлял бы подробную карту, но отогнал упадническую мысль. У меня память, как у стада слонов, вернусь в Брабант и нарисую предельно точно как по пропорциям, так и по расположению всех городов, дорог, мостов, переправ, мелеющих в определенные сезоны рек, а также всех источников воды, как по предполагаемому маршруту движения войск, так и по второстепенным.

Внизу множестводвигающихся точек, словно стаямошкар или же огромное стадо мигрирует в дальние края, где много сочной травы и вдоволь воды. Я присмотрелся, нет, люди на конях. Только у этих двуногих хватает энергии и непонятной дури носиться так часто и бесцельно.

Я снизился еще, всадники мчатся по ровной как стол степи, легкие и стремительные, все с разными знаменами в руках. У меня в глазах зарябило от оскаленных львов, драконов, леопардов, медведей, взъерошенных вепрей и орлов с распростертыми крыльями. Знамена всех цветов радуги, как и геральдические звери, эту манеру знаков переняли, как мне кажется, у рыцарского сословия.

Хотя кто знает, например, манеру мыться европейцы переняли от сарацин во время крестовых походов, хотя в такое поверить трудно, а главное – непатриотично. Кстати, вон у тех на трепещущих под ветром полотнищах яркие и непонятные знаки, в которых даже я постепенно перестаю видеть древний скрытый смысл. Так, стилизованные изображения

цветов, насекомых...

Но это только знаменосцы, каждый от своего племени, рода или клана, а остальная масса мчится следом, даже под облака донесся мерный гул от множества копыт. Хотя варвары и не подковывают своих коней, стараются выиграть в скорости, но когда мчится войско в несколько тысяч человек...

Я распластал крылья и поставил их так, чтобы парить на месте, с высоты наблюдал, как вся конная масса ворвалась в деревню в два десятка легких дощатых домиков. Моментально вспыхнули крыши, выбегающих из домов рубили на месте. Когда конница промчалась дальше, все строения уже полыхают так, что не погасить, да и некому: между горящими строениями трупы, трупы, трупы...

Все выглядело, как ненастоящее, я попытался представить, что там в самом деле убитые, кто-то еще жив, но не может выползти из бушующего огня, крылья уже дрогнули, ожидая сигнала ринуться вниз и спасать, спасать, однако я продолжал плыть дальше, как огромный корабль, равнодушный к судьбам рыбешек.

Вообще-то при таких размерах я сам чувствую собственную уязвимость. Если кто-то вцепится, скажем, в крыло, пройдет несколько драгоценных секунд, прежде чем я сообщу, что из меня рвут протоперья. А еще несколько секунд понадобится, чтобы протянуть туда издали страшную когтистую лапу. Ага, а хищник будет тупо ждать, пока я его схвачу, щас...

Медленно и с чувством достоинства проплывают внизу раскаленные на солнце барханы, похожие на верблюжьи холмы из золота. Если долго смотреть неподвижно, начинают колыхаться, и вижу, как двигается это несметное стадо. Медленно и торжественно проплывают подо мной руины усыпальниц древних правителей, остроконечные глыбы сломанных колонн, постаментов...

Я выбирал тщательно, вниз пошел с несвойственной для зверя таких размеров суетливостью. Приземлился благоразумно на вершине бархана, хотя инстинкт угодливо подсказывает выбирать для незаметности низинки. Я оказался прав: в человека превращался медленно и долго, сознание плыло настолько, что раза три вообще не понимал, где я и что делаю, наконец нашел себя на вершине песчаного холма, с которого сыплется и сыплется песок, заполняя низинки с обеих сторон. Окажись в одной из них человек с помраченным сознанием, его бы засыпало с головой...

Отдохнув, я попытался превратиться в большую ящерицу, размером с человека. После двух десятков неудачных попыток получилось, хотя ящерицей чувствовал себя неважно и поспешил вернуться обратно, однако сердце стучит ликующе: получается! Могу не только в эту крылатую тварь разных размеров...

А вот в сторону уменьшения размеров все-таки не рискну, хотя соблазн велик. Уменьшение тела неизбежно уменьшит и массу мозга, а я материалист и не верю, что в мозге пче-

лы или муравья может существовать разум. Для него нужны размеры, и у человека мозг занимает места едва ли меньше, чем у слона или кита.

Так что для миниатюризации либо нужен обходной путь, либо пусть все остается в области мечтаний. Да и вообще я должен думать о великих свершениях, а не о том, как в виде муравья залезть под чью-то юбку.

Снова огляделся по сторонам, никого ли вблизи, на время трансформации в особенно крупное становлюсь беспомощным, и начал процесс превращения в прежнего дракона, как называли меня караванщики, а теперь зовет женщина.

Обратно летел усталый, но довольный. Еще пару дней, и весь Гандерсгейм будет на мысленной карте. Ну, в крайнем случае задержусь еще на денек-другой, все равно даже из Сен-Мари войска в Брабант придут не раньше, чем через пару недель. А герцог из далекой Армландии приедет еще позже.

В животе урчало, я глазел по сторонам и подумывал, где бы чего поймать и съесть, а когда навстречу попался голубь, машинально метнул в его сторону раскрытую пасть. В последний момент успел заметить на лапке блеснувшее, понял запоздало, что это почтовый голубь... однако челюсти уже сомкнулись.

Борясь с инстинктивным желанием проглотить этот сладкой комочек мяса, я лапой неуклюже снял с языка окровавленное тельце. Голубь еще жил, глаза медленно заволакивает

пленкой смерти, но посмотрел на меня с таким укором, что будь я даже Темным Богом, всего бы перекосило от стыда и угрызений совести.

– Какого хрена летаешь, – прорычал я люто, злой на себя, но, как всегда, обвиняя других, – разлетался, гад, в запрещенном коридоре!.. А если бы столкновение?.. Ты подумал, дурак?..

Гора быстро вырастает в размерах, в темноте пещеры блеснула искорка костра, это Мириам жарит козу, я вытянул шею и пошел на снижение, держа взглядом темный зев. Будь это далеко, пришлось бы приземлиться где-нибудь в безлюдном месте, перетечь в людскую форму, чтобы мог стащить с лапки мертвой птицы колечко, а так я влетел в пещеру, на ходу складывая крылья, сразу же с отвращением выплюнул окровавленный комок.

Мириам опасливо отступила в свою норку, чтобы не задел ненароком крыльями.

– Это твоя добыча? – спросила она с интересом. – Ну да, ты ж великий дракон!

В ее голосе сарказма хватило бы, чтобы пристыдить целую армию бесстыжих викингов, ожила, уже чувствует себя уверенно, а для самоутверждения то и дело втыкает мне шпильки.

Я прорычал зло:

– Этот дурак летел на запрещенной высоте... Вернее, в запрещенном коридоре.

Она переспросила с великим удивлением:

– Что, в воздухе тоже стены?

– Дикари, – проворчал я с презрением. – Прете везде, как дикие козы, самобытность отстаиваете... Чем цивилизованнее человек, тем больше для него запрещенных коридоров! Шаг вправо... гм, взмах вправо – взмах влево – нарушение границы! А этот дурак еще и подпрыгивал.

– Кто?

– Голубь, – проворчал я. – С посланием...

Она переспросила:

– Почтовый?

– Ну да, – буркнул я. – На лапке браслет.

Она выглядывала, как трусливая мышь, жажда выйти и страшась, наконец спросила с непонятной неуверенностью:

– Можно мне посмотреть?

– Можно, – рыкнул я.

Она начала выдвигаться, не сводя с меня взгляда, я нарочито зевнул и лег, хотя после полета хочется походить и размять усталые мышцы, лег и положил голову на лапы.

Неслышно, как чучундра, она выскользнула из убежища, схватила, не сводя с меня пугливого взгляда, окровавленную тушку и быстро-быстро юркнула обратно. Я снова зевнул, прогоняя перед мысленным взором расположение городов, по большей части все выглядят беззащитными, однако между ними слишком уж много стойбищ, а народу там едва ли меньше, как уже напоминал себе, чем во всем Сен-Мари...

Из норки донесся испуганный вскрик. Мириам высунулась, лицо бледное и расстроенное, красные волосы дыбом, как львиная грива под ветром, выглядит, как дикая фурия, прищемившая палец.

– Ты злой, – сказала она, – ты сделал очень недоброе дело!

Я прорычал:

– Дык я ж дракон. Я и должен. На страх людям, женщинам и прочим насекомым. А что тебя не приводит в восторг? Почему нет криков ликования? Бурного и продолжительного?

Она крикнула:

– Ты убил не голубя!

– А кого?

– Ты убил еще и двух людей!

Я подумал, поскреб голову когтем. Мириам пугливо отпрянула в глубину убежища.

– Всего-то? – удивился я. – Мельчаю, мельчаю... раньше целые народы сметал...

– Народы не жалко, – выпалила она, – а вот двух... это подло!

– Брехня, – сказал я веско. – Пару коз сожрал, но двух людей... не припоминаю.

– Здесь письмо! – крикнула она обвиняюще.

– Прочти, – предложил я. – И увидишь, что никого не убивал... сегодня.

Это прозвучало зловеще, но она гордо вскинула голову, в глазах вызов. Тонкие пальцы снова развернули маленький

листок, я со своим зрением успел заметить мелкий женский почерк, грамотная писала, зараза, или служанка под диктовку избалованной дуры, что ж тут за варвары такие...

– Я прочту, – пообещала Мириам с угрозой, – не обрадуешься!

– Давай, – сказал я с некоторой тревогой, письмо от женщины, а это значит – ерунда, капризная дура соскучилась по любовнику, отправленному ревнивым мужем или родителями в дальний гарнизон, что еще может написать женщина, – читай, если разбираешь эти... буквы. Думаешь, меня совесть замучает? Вот так прямо упаду на спину и подрыгаю задними лапами в предсмертных корчах тебе на щасте?

Взгляд ее бегал по строчкам, я видел, как двигаются глазные яблоки, крупные, с широкой радужкой, настолько странного удивительно яркого серого цвета, что я не мог оторвать взгляда.

– «...и в тот же час, когда меня призовут на брачную церемонию, я брошусь из своей башни, чтобы не достаться ненавистному Растенгерку».

# Глава 11

Она вскрикнула и в бессилии уронила руки. Я посмотрел на нее и отвел взгляд, стараясь уверить себя, что мне по фигу, но странное чувство вины медленно пропитывает всего с головы до ног, как холодная вода вату. Лучше бы перехватить чье-то военное донесение, пусть кто-то потерпит поражение из-за неполученных сведений. И чем больше погибнет, тем лучше. Врага нужно ослаблять, обескровливать и дискредитировать гадкими слухами.

– Ага, – наконец прорычал я, – ага, бросится из башни... И убежит?

Она крикнула яростно:

– Ты совсем дурак?.. Она убьется!

– Совсем? – переспросил я. – Это... насмерть?

– А как иначе?

– Ну, – протянул я, – зашибет коготь, поднимется и побежит за добычей...

– Ну почему драконы такие тупые, – воскликнула она с отчаянием, – как ты не понимаешь, что она погибнет, если выбросится из башни?.. А виноват будешь ты!

– Почему я? Я ее выброшу, что ли?

– Ты! – сказала она обвиняюще. – Ты перехватил письмо!

Я протянул насмешливо:

– Так то письмо...

– Ну вот!

– Что – вот?.. Я даже письмо не выбросил.

Ее лицо стало злым и решительным.

– Значит, – процедила она сквозь зубы с такой злостью, что я отчетливо услышал змеиное шипение, – значит... эта сволочь, этот последний гад, этот мерзавец и ублюдок хочет испоганить жизнь Карине?.. Или Вики?.. Да какая разница, таких нужно уничтожать на месте!

Я пробормотал:

– Чего ты взъелась? Все женщины уходят в замужество, повинуюсь родительской воле. За того, кого те выберут.

– Много ты знаешь, жаба с крыльями!

– Это знаю, – буркнул я. – Ничего, стерпится – слюбится.

Она выкрикнула зло:

– Ты все забыл? Она же написала, что бросится с башни!

– Пошутила, – предположил я и тут же пожалел о своих словах, Мириам хлестнула по мне огненным взглядом с такой силой, что моя спина запахла горелым, а гребень засветился алым.

– Ты просто... просто рептилия, – произнесла она. – Знаешь, я не буду прятаться. Ты можешь съесть меня в любой момент. Но съешь сперва этого гада!

– Кого?

– Ярла Растенгерка! – выпалила она с яростью.

Я пошевелил громадами плеч.

– А чем он хуже других? Все так женятся.

– Он подлец, – процедила она люто. – Он вероломен, он лжив, он предательски захватил власть в своем племени кочевых ассиров, он отнял земли у соседей, он притесняет народ... Для тебя все это неважно, однако такие люди не должны ходить по земле! Обещаю тебе, как только ты его убьешь, я сразу же раскормлюсь так, что вкуснее меня не будет никого на свете!

Я задумался, опять поскреб когтями голову. Под жуткий скрип посмотрел на Мириам внимательно, она выпрямилась, бледная и решительная, ответила мне прямым взглядом.

– Надо подумать, – сказал я. – Я могу, конечно, во время своих полетов взять в сторону на пару миль и сожрать этого, как его...

– Ярла Растенгерка!

– Ярла Растенгерка, – повторил я, отметив, что она при этом слове вся взъерошивается и чуть ли не скрипит зубами. – Это нетрудно, да. Но где он в этой огромной пустыне?

– Это не пустыня, – возразила она автоматически и сразу добавила: – Ярл Растенгерк редко сидит в своем шатре. Вот уже десять лет, как носится во главе своего отряда по стране, как хищный волк...

– Тем более его не отыскать, – заметил я.

Она замотала головой.

– Он всегда под баннером с молодым львом. С ним шестеро воинов, но это лучшие из лучших в его проклятом племени головорезов. Их легко узнать по голубым плащам...

Я кивнул.

– Теплее, теплее... С высоты такое рассмотреть можно, ты права. Голубое на зеленом или желтом весьма, я тебе скажу, весьма...

– различишь?

Я сказал обидчиво:

– Я тебе что, муха или пчела, что видят только красное и багровое? Мы, драконы, эстеты, мать вашу... Но все-таки его не увидеть, если заедет в город.

– Он не заезжает, – ответила она уверенно. – Его люди – да, он – нет. Спит и ест в седле. Потому его легко заметить сверху.

– Легко заметить в огороде, – напомнил я, – а не в целой стране.

Она покачала головой и ответила с той же твердостью камня:

– Я примерно знаю, где он шастает.

Я помолчал, рассматривая ее внимательно. Она смотрела в упор дерзко и смело, не отводя взгляда, хотя я смотрюсь как, знаю, видел в воде, достаточно жутковато.

– Ладно, – сказал я, – пойду тебе навстречу. Если обещаешь быстро откормиться. Но что-то слишком уж вспыхиваешь яростью, когда произносишь имя этого ярла! Дело не в бедной принцессе, верно? Жаль, что собирается броситься с башни, ну да ладно, дело житейское. И лучше красивый жест, чем унылая жизнь. Некоторые бросаются вообще без

особых причин. Так просто... Какие у тебя счета с этим ярлом? Что тебе надо от него на самом деле?

Она окрысилась, лицо стало злым и неприятным.

– А просто помочь я не могу? Как женщина женщине?

Я подумал, сказал в задумчивости:

– Женщина женщине волк, лиса и дикий дракон... именно дикий. Чтоб женщина женщине помогала?.. Да скорее небо упадет на землю! Это мы, благородные самцы, сбиваемся в стаи для взаимопомощи... э-э... благородной и самопожертвенной.

Мириам, злая как стая голодных кобр, сидела в уголке на корточках. Волосы красным водопадом закрыли мордочку, я не видел лица, только слышал тихий шепот:

– ...Юстигенда?.. Нет, король Кодер не отдаст единственную дочь такой прожженной сволочи... Да и силен, для него Растенгерк мелковат, ни угрозы, ни пользы... Король Денонк?.. У него Ульфисса, эта давно уже замужем... Есть еще Вики, но та еще совсем маленькая дурочка...

Я проворчал:

– Тогда как раз. Чем дурнее, тем лучше.

– Умолкни, ящерица, – огрызнулась она. – Много ты понимаешь... Нет, скорее, письмо от младшей дочери короля Вильдгера. Две старшие уже замужем... Гад, не мог не жевать записку!

– Это ты жевала, – возразил я нагло. – Сейчас твои слюни

высохли, посмотри, вдруг да имя прочитается?

Она задохнулась от оскорбления, но в самом деле отыскала придавленную камнем бумажку и долго всматривалась в стертые буквы, что значит, дело ставит выше личных обид, достойная дочь степей... и вообще достойная.

– Нет, – сказала она упавшим голосом, – ничего не видно...

– Совсем?

– Кроме того, что уже прочла.

– А других подсказок нет? – спросил я.

Она раздраженно повела плечом.

– Ты же видишь! Нет, конечно.

– Ты сама их начала было искать, – возразил я. – Так не останавливайся! Иди дальше. Король Кодер слишком силен, чтобы родниться с такой мелочью, как ярл Растенгерк, у короля Денонка есть дочь подходящего возраста, а у другого короля – неподходящего... Думай дальше, сортируй, выявляй нужное и отбрасывай ложные варианты!

Она покосилась в мою сторону с удивлением.

– Ты какой-то не такой дракон... Может быть, долго сидел на цепи у какого-нибудь властелина и научился говорить?

Я проревел оскорбленно:

– Я? На цепи?

– Слишком много знаешь, – возразила она. – Что это значит?

– Что убивать пора, – прорычал я угрожающе.

Она всплеснула руками.

– Нет-нет, что за ужасы ты говоришь!.. Тебя убивать надо за то, что дракон, а не за то, что много знаешь!

– Да? – спросил я с недоверием. – А у нас говорят, что если много знает, то убивать пора.

– Так то у драконов, – возразила она. – Злобных, глупых и завистливых. У людей так не говорят!

– А как говорят? – спросил я.

– Иначе, – ответила так, словно отмахнулась от мухи. – Ты говоришь так, как... образованные.

Не дура, мелькнуло в голове. Заметила даже, что фразы строю иначе, чем простолюдины. С другой стороны, откуда знает, как говорят образованные? Этих диких караванщиков не назовешь верхом культуры.

– Думай, – велел я.

– Это, должно быть, принцесса Барсения, – сказала она медленно. Она задумалась, шевелила бровями, вытягивала губы трубочкой и морщила нос, а я с интересом следил за женским процессом мышления. – Говоришь, ты летел вон оттуда, когда встретил несчастную птичку...

– Нет, – поправил я, – намного западнее. Если совсем уж точно, у меня перед глазами была во-о-от та далекая скала. Я летел прямо на нее. Там и произошло столкновение... Как только я и уцелел при таком ужасном лобовом ударе!.. Могла бы и посочувствовать, хоть для приличия! Женщина, где твое хваленое женское сопереживание?

– Для тебя его никогда не будет, – отрезала она.

– Ну вот...

– Говори дальше, – потребовала она. – Как летел потом?

– Красиво, – сообщил я. – Я всегда летаю красиво. У меня это врожденное, как думаешь? Я тоже так думаю. А хорошие манеры еще и отшлифовали...

Она прошипела зло:

– Я не о том!

– Уже догадался, – ответил я печально. – Всегда вы не о том, всегда не замечаете самого главного... В общем, сделал вираж и пошел к нашему милому гнездышку напрямую, где ты все глаза проглядела, ожидая меня, такого замечательно-го...

Она не среагировала на ехидство, морщила лоб, кусала губы, а серые глаза то светлели, то становились совсем темными. Я же любовался огненной копной волос, почему-то люблю рыжих.

– Тогда короли Кодер и Денонк отпадают, – заявила она. – Если по той линии, там только три королевства: Королевство Белых Гарпий, королевство Гардекс и королевство Поющих Деревьев.

Я сказал саркастически:

– Всего лишь?

Она кивнула, лицо серьезное.

– Тебе повезло.

– Почему?

– Если бы чуть левее, то за теми королевствами... еще множество. А так – дальше море.

Ужин прошел в молчании, Мириам все еще пытается вычислить, от кого записка, я тоже помалкивал, не в силах уложить в голове факт существования в Гандерсгейме множества королевств. Что множество – понятно, варвары перестанут быть варварами, если сумеют объединиться в единое государство, но сами слова «король» и «королевство»... гм...

Мясо и сыр, к сожалению, могу создавать только такими, какими когда-то ел и видел: то есть дракону не нажраться, а создавать крохотными порциями – умру с голоду в бесконечном процессе.

Но кофе все-таки сотворил, с наслаждением смаковал и неотрывно смотрел в титанические образы воздушных замков, снежных гор, что озарились сперва нежно-розовым светом, затем красным, меняются медленно, неспешно, однако с неотвратимостью природы, уже не горы, а целые горные хребты, настолько огромные и величественные, что даже Великий Хребет померк, и я продумал потрясенно, что человек не зря в поисках величия поднимает глаза к небу.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.